

The poster is a complex collage. In the foreground, a soldier in a dark uniform with a red sash and a bayonetted rifle is seen from behind, holding a Confederate battle flag. The background is split: the top half shows a choir in white robes performing in front of a large, ancient stone face sculpture, with a dark, fiery sky above; the bottom half shows a modern city skyline with tall skyscrapers, one of which is brightly lit, rising behind a dense area of slums.

# ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

ВАСИЛИЙ  
ПАНФИЛОВ

Просто выжить

Василий Панфилов  
**Европейское турне**

«Василий Панфилов»

2018



## **Панфилов В. С.**

Европейское турне / В. С. Панфилов — «Василий Панфилов»,  
2018 — (Просто выжить)

Гражданская Война закончилась расколом страны на Север и Юг. Былые противники разведены по углам, но надолго ли? Россия и Франция заключили союз против Англии... В воздухе снова пахнет войной, но на этот раз мировой. Большая политика не обошла стороной Алекса – чрезмерная популярность среди ирландцев и репутация опасного социалиста настораживают власти его новой Родины – Конфедерации. Вынужденный оставить дочь и могилу жены, Фокадан уезжает в Европу. Чудовищное давление ответственности пропадает, и попаданец решает получить инженерное образование в одном из лучших технических ВУЗов того времени – берлинском. Идеи из будущего требуют воплощения, но не хватает технической грамотности. Впереди его ждёт жизнь преуспевающего драматурга, инженера, изобретателя... Получится ли?

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 6  |
| Глава 2                           | 12 |
| Глава 3                           | 17 |
| Глава 4                           | 21 |
| Глава 5                           | 26 |
| Глава 6                           | 31 |
| Глава 7                           | 36 |
| Глава 8                           | 41 |
| Глава 9                           | 47 |
| Глава 10                          | 52 |
| Глава 11                          | 58 |
| Глава 12                          | 63 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 67 |

**Василий Панфилов**  
**Просто выжить. Европейское турне**  
Василий Сергеевич Панфилов

\* \* \*

## Глава 1

В лекционном зале тесно, студенты сидят на скамьях плотно, касаясь друг друга локтями и плечами. За кафедрой стоит сам Гюнтер фон Шуппе, один из популярнейших профессоров берлинского университета Фридриха Вильгельма<sup>1</sup> в области точных наук. Хороший математик, физик, механик, а главное – блистательный преподаватель, способный объяснить сложные вещи буквально на пальцах.

Маленький суетливый человечек сомнительного происхождения сильно напоминает обезьянку своеобразной физиономией и несуразной фигурой. Да и в быту, поговаривают, отличается довольно-таки неприятными привычками. Неряшливый, нечистоплотный, неделями не меняющий засаленную одежду, выглядит профессор весьма непрезентабельно. Однако когда фон Шуппе становится за кафедру, то преображается на глазах.

Вдохновенные движения, горящие глаза и хорошо поставленный голос профессионального лектора, почти двадцать лет отработавшего приват-доцентом<sup>2</sup>. Чёткие движения умелого чертёжника, и вот на доске с идеальной точностью нарисована проекция несложного механизма в сопровождении формул.

– Карандаш сломался, – услышал Алекс шёпот позади и передал запасной, не оборачиваясь, не отрывая взгляда от лектора.

– Спасибо, брат студент.

Кивок в ответ, так же не поворачиваясь, фон Шуппе как раз начал чертить интересную схему, весьма ёмко и образно комментируя начертанное.

Учёба в университете образца 1866 года, попаданцу нравилась больше, чем дома. Несмотря на разговоры о Классической советской Школе, преподаватели такого уровня дома попадались редко.

Почитание Европы? Да нет... просто материальная заинтересованность преподавателей. Точно также дела обстояли ныне и в Российской Империи. Сумел заинтересовать студентов, будет посещаемость, а значит – хорошие деньги за лекции.

Проявил себя не только как хороший лектор, но и как видный учёный? Звание профессора с твёрдым окладом от государства, и это помимо денег за лекции от студентов. Звание профессора даётся пожизненно, оклад выплачивался даже в том случае, когда учёный давно уже вышел на пенсию. Неплохой стимул для преподавателей стремиться к совершенству.

Профессор закончил лекцию, и студенты загомонили, обсуждая её. Шуппе окружили, не давая пройти и прося уточнить некоторые моменты. Тот смеялся и отшучивался, отвечая чёткими, отменно выверенными фразами, нередко разбираемыми на цитаты.

Наконец профессора отпустили, без внимания студентов тот снова превратился в карикатуру на человека и пошёл к выходу, нервно вздрагивая от каждого шороха, втягивая голову в плечи. Поговаривали, что в прошлом фон Шуппе хватало неприятных моментов, так что тараканы в голове учёного откормленные. Ну да бог с ним...

Переждав поток, Алекс спокойно собрал записи и вышел за гомонящей толпой. Как обычно, слегка отдельно.

Дело даже не в инаковости попаданца, резко отличающегося от хроноаборигенов. Просто берлинский университет чрезмерно немецкий, с развитой системой студенческих братств.

---

<sup>1</sup> Впоследствии университет Гумбольдта.

<sup>2</sup> Приват-доценты не имели твёрдых окладов и жили исключительно на проценты от взносов студентов, посещающих их лекции. При этом студенты сами выбирали – какие лекции им посещать. Хороший стимул для преподавателя вкладывать душу в работу...

Формируются братства на основе землячеств и политических убеждений – почти исключительно националистических, имперских.

Отношение к славянам в этой среде и без того не лучшее, а уж после совместного демарша России и Франции, Укравших Победу и прервавших объединение Германии, оно стало вовсе уж скверным. Попаданец счёл невозможным вступать в подобные братства. Выслушивать регулярно лекции на тему неполноценности славян и предательстве России желания как-то не возникло.

Пусть его считают Алексом Смитом, но внутри-то он Алексей Кузнецов, и по характеру далеко не Штирлиц. К чёрту.

Поскольку не состоит ни в одном из братств, то и одевается как филистер<sup>3</sup>, чем ещё больше выделяется из толпы<sup>4</sup>. Иногда хочется влиться в студенческую тусовку... гулять хроноаборигены умеют не хуже потомков. Но даже если отбросить неприязнь к славянам, остаётся ещё и проблема фуксов<sup>5</sup>.

Бегать на побегушках? Спасибо, не тянет... Раскрывать инкогнито также не хочется. Вот и остаётся одиночество. И учёба.

Вздыхнув, вышел из аудитории одним из последних, переждав поток гомонящих студентов.

– Спасибо, – брат-студент, за карандаш, – сказал улыбающийся бурш<sup>6</sup> со шрамом на лице<sup>7</sup>, стоящий чуть в стороне от входа, – выручил.

– Пожалуйста, брат-студент.

– Я Адольф, – протянул руку бурш, – Адольф фон Нарбэ.

– Алекс Смит...

– Как насчёт выпить пива в приятной компании? – Подмигнул черноволосый бурш.

Алекс слегка приподнял бровь, показывая тем самым лёгкое недоумение приглашением, но кивнул. Почему бы и нет? Понятно, что немцу что-то нужно... как раз и проясниться – что.

Адольф попадался на глаза не в первый раз, и всегда бурша окружали друзья и... свита? Да, часть его окружения можно назвать именно так.

– Адольф!

– Брат-студент!

– Нарбэ!

Путь до пивной затянулся – казалось, нового знакомого Алекса знают все встречные, радостно приветствуя бурша. Но после школы трущоб, сцены, политической активности, войны и работе в береговой охране, Фокадан легко высмотрел ряд несоответствий.

– Давай, – Ёрничая, дал мысленную команду очередному случайно встреченному студенту, и тот дал. Как в плохом театре, случайно встреченный приятель оглянулся на невидимого Алексу суфлёра, и немного судорожно обернулся, едва не оскальзываясь на мокрой брусчатке, одновременно расплываясь в чересчур широкой, резиновой улыбке.

---

<sup>3</sup> Презрительное название человека с узкими взглядами, преданного рутине; самодовольного мещанина, невежественного обывателя, отличающегося лицемерным, ханжеским поведением. Так немецкие студенты, состоявшие в братствах, называли обывателей.

<sup>4</sup> Немецкие студенты того времени, состоявшие в братствах, носили форму братства, обычно довольно-таки военизированную.

<sup>5</sup> Кандидаты в члены студенческого братства, не имеющие никаких прав. До тех пор, пока они не пройдут период «проверки», подвергаются различным испытаниям, подчас весьма унижительным.

<sup>6</sup> Полноценный член студенческого братства.

<sup>7</sup> В студенческих братствах Германии были приняты дуэли, во время которых наносили удары клинком исключительно в лицо. Кончик клинка затупленный и маска закрывала глаза, но характер такие дуэли вырабатывали нешуточный. На лицах дуэлянтов оставались специфические шрамы, по которым узнавали буршей. Шрамы эти считались чем-то вроде «знака качества» настоящего бурша.

– Фон Нарбэ! – Молоденький фукс радостно замахал ладошкой и прямо-таки расцвёл, когда бурш царственно кивнул ему в ответ, не сбавляя шага.

– Вербовать будут, – вяло оживился предстоящей интриге попаданец. Вряд ли опознали как полковника в отставке и довольно-таки известного драматурга, недаром усики и бакенбарды отпустил ещё на корабле. Как студент Алекс ещё ничем не прославился – не было загулов, дуэлей, научных открытий.

Значит, студенческое братство ведёт дежурную вербовку интересного иностранца? Да, похоже на то. Инаковость хоть и мешала сойтись с местными накоротке, но она же выделяла Алекса из толпы. Уверенное поведение, манеры бывалого человека, да ещё и при деньгах... как ни крути, но взгляд цепляется.

– Интересно, интересно... агента влияния с прицелом на будущее будут делать или кошелёк на ножках понадобился?

Студенческие братства германских земель, явление странное. С одной стороны очень националистические. После столь неудачного окончания войны, с фактически отобранной победой, сложно ожидать чего-то иного.

С другой – в немецких братствах можно встретить представителей самых разных национальностей. Русских и французов в братствах сейчас нет, по понятным причинам<sup>8</sup>, но есть чехи, поляки (впрочем, эти и сами в большинстве своём те ещё русофобы), скандинавы, балканские славяне и даже турки. И отношение к ним самое тёплое.

Помимо членов братств и свободных студентов, есть ещё и прослойка из тех, кто не вступает в братства, но вертится рядышком. Одни пытаются использовать братства в своих целях... но чаще получается наоборот. Другие хотели бы вступить, но по каким-то причинам не тянут.

Хочешь посещать разудалые студенческие пирушки, но нет желания проходить стадию фукса и участвовать в почти обязательных дуэлях? Раскошеливайся, или как-то иначе продемонстрируй пользу Братству. Талантливых студентов братчики могут взять под покровительство с расчетом на будущее, не глядя на происхождение.

Есть деньги, нет... наличествовал бы какой талант, иметь должников порой выгодно. Не каждый из них достигнет высот, но и архивная крыса может принести пользу. Пусть не лично спонсору, а одному из братства, так ведь взаимозачёты никто не отменял.

Пивнушка неподалёку от университета специализируется на клиентуре из числа студентов. Всё очень прочно и бюджетно.

Не то чтобы студенчество здесь нищее, скорее наоборот – добрая половина учащихся принадлежит как минимум к среднему классу, а вожаки по большей части из юнкерского<sup>9</sup> сословия. Просто традиции такие, чтоб в студенческих гулянках могли принимать участие и небогатые члены братств, не чувствуя себя на содержании.

– Тёмного, – сходу скомандовал Адольф русоволосой официантке с косами-баранками на висках, по хозяйски хлопнув девушку по пышному заду. Наигранно смутившись, она ушла, ступая по истёртым каменным плитам пола с тяжеловесной грацией перекормленной валькирии. Минуту спустя на дощатом столе стояли четыре кружки пива, на литр с гаком каждая, и большая тарелка с мясными закусками.

– Извини, что не спросил, какое ты любишь, – не слишком искренне повинился фон Нарбэ, берясь за кружку, – по привычке заказал самое лучшее.

---

<sup>8</sup> Напоминаю, что в этой реальности Россия и Франция на заключительном этапе Австро-Прусской войны «осадили» Пруссию и Италию, лишив их победы и помешав дальнейшему объединению. В реальной истории именно эта война объединила вокруг Пруссии немецкие княжества (далеко не всегда добровольно). Она же окончательно объединила разрозненные итальянские княжества вокруг Сардинского королевства. Пы. Сы. Сардинское (Итальянское) королевство являлось в реальной истории союзником Франции, а Пруссия – России. Но союз был неравноправный, скорее «сюзерен-вассал», так что «младшие» союзники тяготились такой ролью. В реальной истории Пруссия после объединения очень быстро стала играть против России.

<sup>9</sup> Социальный класс дворян-землевладельцев в Германии, прежде всего в Пруссии.



Алекс молча кивнул, принимая извинение и подавляя улыбку. По привычке... ну-ну... психологические трюки с доминированием выходцу из двадцать первого века знакомы куда как лучше. В своё время, ещё работая в театре, даже записывал, дабы не забыть. И применял, иначе ИРА и не состоялась бы так громко. Везение, случай... всё верно, но и послезнание тоже.

Первая кружка по традиции пошла почти залпом, вторую уже можно цедить часами.

– Действительно хорошее, – со стуком поставив кружку на стол, прервал молчание поппанец, ничуть не лукавя. Пиво в девятнадцатом веке куда как лучше, чем в двадцать первом. Да и продукты вообще.

Правда, без консервантов и холодильников пиво частенько прокисает, а провизия портится. Самое неприятное, что не всегда это можно понять сразу, чаще потом... Пока не стал параноидально относиться к свежести продуктов, бывали казусы. До крайности не доходило, но переулки в Нью-Йорке освоил хорошо.

\* \* \*

Живот предательски заурчал и Алекс негромко ругнулся:

– Карга старая!

– Скушай пирожок, деточка, сама пекла.

– Да чтоб я ещё раз у этой чёртовой отравительницы из рук что-то взял! Говорили мне, что она подешевле провизию закупает, так внимания, дурень, не обратил!

Живот скрутило крепко, и актёр с ужасом понял, что не добежит... Прикусив губу, несколько нервно оглянулся в поисках извозчика, но таковых поблизости не виднелось. Негромко, но очень эмоционально выругавшись, пошёл в сторону проулков, отчаянно стараясь совместить скорость передвижения и некое достоинство.

Запахи ударили в нос, и начинающему актёру стало ясно, что переулочек давно используется в качестве бесплатного туалета. В попытках найти местечко поукромней, он осторожно переступал через оставленные предыдущими посетителями мины и вонючие потёки.

Живот крутило всё сильнее, и выбирать место посадки пришлось наскоро. Нашупав в кармане сюртука только что купленный томик Байрона – дорогуший (!), Алекс выругался ещё раз, поклялся себе, что никогда не будет есть подозрительную еду!

\* \* \*

С лекарствами, кстати, тоже проблема – местным аптекам поппанец не слишком доверяет. Ртуть в лекарственных препаратах, активное применение наркотиков, мышьяка, порошка из мумий<sup>10</sup>... Нет уж, лучше самому лечиться. А ещё лучше – не болеть.

Сильно не хватает таких привычных вещей, как спелые яблоки зимой. Вроде и деньги ныне есть, чтобы купить что-то вкусненькое, а деликатесов нет – только в сезон. Разве что апельсины продаются круглогодично, но и они какие-то мелкие, с кислинкой, горьковатые.

– Интересный ты человек, – улыбнулся Адольф, прервав мысли поппанца, – голову на отсечение даю, что с тобой не всё так просто, как кажется.

– Просты только одноклеточные, – пробурчал Алекс, не отрывая губ от кружки, на что немец звонко расхохотался, стукнув ладонью по столу.

– Да, брат-студент, – вытер клетчатый платком выступившие от смеха слёзы Нарбэ, – ты стал бы украшением нашего братства, подумай над этим.

---

<sup>10</sup> В европейской медицине вплоть до начала 20-го века широко использовались человеческие останки. Кости, мясо, жир, кровь... больных на полном серьёзе лечили этим. Особенно популярны были мумии, которых везли в Европу и САСШ целыми пароходами именно на «лекарства».

– Ты даже не представляешь, насколько прав, – ёрнически подумал попаданец, давя усмешку.

С полчаса потрепавшись о профессорах, разошлись по делам.

Прислушиваясь к себе, Фокадан ощутил слабый интерес к происходящему. Какие бы цели не преследовал один из старейшин студенческого братства, покрутиться рядышком попаданец не возражал. По крайней мере, научиться понимать юнкеров в частности и дворян вообще.

\* \* \*

– Я дома!

Пожилая, пахнувшая луком и нафталином служанка возникла из ниоткуда, и показав намёк на книксен<sup>11</sup>, приняла трость и шляпу.

– Алекс, – сопровождаемая запахами ванили и пачулей<sup>12</sup>, выплыла из своих комнат полная хозяйка пансиона, – здравствуй. На твоё имя груз по почте пришёл. Я велела перенести его в твою комнату, всё-таки личное. Но смотри, в подвале место есть.

– Благодарю, фрау Шпек, – слегка поклонился Алекс немолодой даме, поспешив к себе, – посмотрю сперва.

Почты и правда много, занято едва ли не полкомнаты. Дюжина здоровенных чемоданов, ящики... по большей части архивы. Несмотря ни на что, Фокадан намеревается сдержать слово и заняться описанием Гражданской Войны. Не то чтобы Слово тяготит, просто интересно.

Разбор вещей занял время до самого вечера. Разумеется, вначале письма от друзей и приятелей – Фред, Патрик, Кейси, ребята из ИРА и Кельтики. Некоторые писали целыми тетрадями, вываливая на бумагу свои мысли, чаяния и надежды.

Фред с женой едва ли не по часам описывали жизнь Кэйтлин, и эти страницы Алекс жадно перечитал дважды, с трудом подавив тоску по дочке. Отчёты о вложенных в земельные участки деньгах от Фреда, отчёт от управляющего, вырезки из газет с собственными комментариями от Патрика, экономические выкладки о ситуации в КША от Кейси.

Ли прислал короткий, довольно-таки формальный расклад по ирландцам, давая понять, что в КША Фокадана помнят и уважают, но возвращаться не стоит. Не в ближайшие годы.

С Борегаром история отдельная: несмотря на значительную разницу в возрасте, они как-то сдружились. Не то чтобы близко, но хорошими приятелями можно назвать. Сошлись на почве военного искусства и инженерного дела.

Письма от Ле Труа...

Раздался стук в дверь и голос горничной произнёс неуверенно:

– Господин Смит, вы ужинать-то пойдёте?

– Вот это я зачитался, – ошарашено пробормотал попаданец, глянув на настенные часы, – несколько часов как вылетело. Да, Марта, сейчас иду!

Запоздалое переодевание из уличной одежды в домашнюю получилось прямо-таки квестом. Чемоданы и коробки, частично разобранные, заняли всё свободное пространство в небольшой комнатке, где помещалась только кровать, шкаф, письменный стол с двумя стульями, вешалка и умывальник. Пришлось даже переставлять груз, чтобы протиснуться.

– Будто в тетрис играю, – хмыкнул парень, переставив очередной чемодан.

Умывшись и переодевшись наконец, спустился к столу. Пансион, где он снимал комнату, славился кухней и нелюбопытной хозяйкой.

---

<sup>11</sup> «Книксен» Реверанс (фр. *reverance* – глубокое почтение, уважение) – традиционный жест приветствия, при котором женщина сгибает ноги, отводя колени в стороны и отодвигая одну ногу немного назад.

<sup>12</sup> Растения, из которых делают эфирные масла.

– Как всегда, великолепно, – без тени лести констатировал минут сорок спустя, утирая салфеткой рот и вставая из-за стола, – фрау Шпек, у вас есть ещё одна свободная комната? Помню ваши слова про подвал и очень благодарен. Но это архивы, и хотелось поработать с ними в нормальных условиях.

– Фридлянд через три дня съезжает, это если комнату рядышком хотите, – отозвалась хозяйка после короткого колебания.

– Благодарю, фрау, полностью устраивает.

После ужина Алекс разбирал уже личные вещи, закинув большую часть чемоданов на кровать, дабы освободить немного места. Одежда, оружие, копии наград... Оригиналы остались там, дома. Хм, странно говорить о доме, но как иначе назвать своё поместье?

Барахла оказалось неожиданно много, и ведь лишнего ничего нет. Одежда и обувь надлежащего качества шьются ныне на заказ и стоят очень недёшево. Правда, качество соответствующее. Оружие... куда без него прошедшему войну офицеру? Да, многовато, зато на все случаи жизни.

Вместе с наградами запакованы всевозможные памятные вещички, дагерротипы<sup>13</sup> Кэйтлин, друзей и приятелей.

– Алекс, – раздался голос домохозяйки, – у вас дверь...

Внимание фрау Шпек привлекли разложенные на столе награды, глаза женщины округлились, рот некрасиво приоткрылся.

– Вы... вы Фокадан!

---

<sup>13</sup> Прообразы современных фотографий.

## Глава 2

– Так получилось, – в который раз повторил Алекс домохозяйке, осторожно ставя на стол фарфоровую чашку с остывшим кофе, – пришлось покинуть Конфедерацию по ряду причин.

– Большая политика, – прикрыв глаза, сказала фрау Шпек с мечтательным выражением на обрюзгшем лице, и тут же опомнилась, – вы не подумайте ничего такого! Это так, обычное женское любопытство, уж простите меня, полковник Фокадан! В моём пансионе разные люди останавливались, и никогда я не позволяла себе обсуждать их жизнь с посторонними.

– Понимаю, фрау. Копите драгоценные воспоминания, – с серьёзным видом процитировал попаданец популярную среди домохозяек книгу, позаимствованную недавно у хозяйки на случай бессонницы. Книга оказалась отменным снотворным, но по диагонали её всё же просмотрел, дабы лучше разбираться в мышлении современников.

– Да, вы понимаете! Но вот когда покинете пансион, могу ли я надеяться...

– Разумеется, фрау Шпек, – не вставая со стула, Алекс слегка поклонился, – Буду счастлив оставить лучшие отзывы о вашем пансионе и разумеется, совместные дагерротипы.

Беседа с женщиной затянулась до позднего вечера. Ну как беседа... монолог фрау Шпек, в котором женщина рассказывала Алексу его же официальную биографию, раскрашенную собственными домыслами. Попаданцу оставалось поддакивать и время от времени поправлять пожилую немку, когда та очень уж завиралась.

Как ни странно, ситуация ни капельки не раздражала. Напротив, повеяло чем-то домашним: добрая половина подруг матери такие же. Всегда готовы сунуть нос в чужую жизнь, но крайне редко информация уходила на сторону. Им важнее чувствовать себя причастными к некоей Тайне, к секретам. Если информация и всплывала потом, то годы спустя, в узком кругу таких же посвящённых.

\* \* \*

– Резче, Алекс, резче!

Попаданец взвинтил темп, чуть оскальзываясь на дощатом полу и заставляя противника делать ошибки, что привело к закономерному результату. Удар тростью, ещё удар! Противник повержен!

– Отдохните пару минут, – приказал коротко фехмейстер, – Марк, Ганс – на дорожку!

Отойдя в сторонку, Алекс стянул маску и вытер потное лицо поданным полотенцем.

– Интересная работа ног и корпуса, – дружелюбно сказал недавний соперник, потирая плечо, – непривычная, но довольно эффективная. Не для дуэли, разумеется, но для фехтования на тростях<sup>14</sup> самое то.

– Нарботки кулачных бойцов с фехтованием скрестил, – ответил Алекс, снова вытирая лицо.

– Интересно, – задумчиво повторил Анджело, прислоняясь плечом к стене, – вроде бы так уже делали, а у тебя что-то своё выходит.

– Хм, может потому, что я изначально кулачным боем занимался, а уже потом – фехтованием? Вот и получилось, что получилось.

Итальянец покивал с видом знатока, коим мнил себя каждый второй посетитель фехтового манежа.

– Да, каждый под себя перерабатывает школу, в этом её несомненное достоинство.

---

<sup>14</sup> Такая школа фехтования существует и поныне. В эпоху, когда каждый мужчина начиная со «средне-нижнего» класса, не выходил из дома без трости или длинного зонта, для самообороны на улицах сложно выдумать что-то лучше.

Спорить Фокадан не стал, хотя относился к школе герра Майлза без фанатизма. Манеж выбирал по утилитарным соображениям – поближе к пансиону или университету, да чтоб искусство фехтования исключительно прикладное.

Майлз преподаёт фехтование на длинноклинковом оружии, фехтование на тростях и штыковой бой. В качестве факультативов желающим показываются приёмы боя на шестах и ножевого.

Фехтмейстер является приверженцем швейцарских школ фехтования, очень эффективных, как и полагается потомственным наёмникам, но не слишком-то эффективным. Ни одного лишнего движения, никакого балета. Некрасиво.

Всё рассчитано на военных, которые не могут тренироваться регулярно в хороших залах. Военных, смертельно уставших после длительного перехода и не до конца оправившихся от ран и болезней.

На поле боя не до дуэльных условностей, там царит голая целесообразность. В тесноте рукопашной умение идеально провести салют<sup>15</sup> менее значимо, чем борцовские навыки и умение не оскальзываться, ступая по неровностям почвы и трупам.

На победу в дуэли против серьёзного противника адептам школы Майлза рассчитывать не стоит, зато на случай войны или отбиться от нападения бандита – самое то.

Попаданец сильно сомневался, что когда-нибудь выпадет случай скрестить шпаги на дуэли. Не то чтобы поединки ушли в прошлое вовсе уж безвозвратно, но такие случаи крайне редки, если не считать декоративных дуэлей буршей, сражающихся ради заветных шрамов на физиономии.

Ныне предпочитают стреляться, а если клинки и скрещивались, то почти исключительно до первой крови или выбитой шпаги. Случаи же, когда один из дуэлянтов погибает, не часты.

В солидной европейской стране с дуэльными традициями, вроде Пруссии, таких происшествий за год всего несколько. Да и то по большей части несчастные случаи на дуэлях буршей.

– Алекс, Анджело – хватит бездельничать! – Хлопнул фехтмейстер в ладоши, привлекая внимание, – четвёртую связку отрабатывать!

Подчиняясь окрику фехтмейстера<sup>16</sup>, мужчины снова натянули маски и вышли на дорожку.

К Майлзу попаданец ходит трижды в неделю – по одному дню на трость, длинноклинковое оружие и штыковой бой. Время от времени всплывает мысль заняться фехтованием всерьёз, но Алекс отодвигает её привычным вопросом самому себе:

– А зачем?

Воевать желания нет, да даже если и придётся... в чине полковника в штыковые не ходят. Если вдруг всё же придётся, так сейчас его навыки не уступают навыкам среднего прусского офицера из кадровых, что очень неплохо.

Для поддержания неплохой физической формы и отпора грабителям хватит за глаза. Плюс бокс, пусть ныне исключительно в качестве утренней разминки. Хватит...

Двухчасовая тренировка закончилась обтиранием влажными полотенцами, смоченных одеколоном. Примеру Алекса, помывшегося в тазике с помощью служителя, последовали немногие.

– Странная привычка – мыться слишком часто, – покачал головой уже одевшийся Анджело, набивающийся в приятели, – славянская какая-то.

– Всё лучше, чем пахнуть, как лошадь после пробежки.

---

<sup>15</sup> Приветствие в фехтовании, состоящее из ряда приёмов. Призвано продемонстрировать судьям (секундантам) уровень подготовки бойца до начала схватки. При недостаточной подготовке бойца могли снять с турнира. И напротив – показав качественное приветствие, боец мог надеяться морально задавить противника ещё до схватки, заставить его отказаться от поединка.

<sup>16</sup> Буквально – «фехтовальный мастер», учитель фехтования.

– Одеколон есть, а слишком часто мыться – вредно для кожи, любой доктор подтвердит.

Возражать попаданец не стал, привык уже. Фреда с трудом приучил мыться личными примером и лекциями о гигиене и ЗОЖ<sup>17</sup>. А ведь тот считает Алекса старшим братом и примером для подражания.

Спорить с местными по поводу гигиены нет никакого желания. С низшими кругами как-то не пересекается, а прочие хоть пару раз в месяц, но моются – пусть даже в тазике. Забавно, нательное бельё могут менять ежедневно, а мыться раз в неделю или реже.

Благо, не слишком-то и воняют. Когда тело упаковано в несколько слоёв чистой одежды, лицо щедро полито одеколоном, а волосы каким-нибудь пахучим бриолином<sup>18</sup>, то вроде как и ничего, терпимо. Если не приноховаться.

– Прогуляемся?

Анджело просиял, отчего забавные кошачьи усики встали торчком на круглой физиономии. Итальянец старше на добрых пятнадцать лет, но почему-то воспринимает попаданца как безусловно старшего. Торговый агент серьёзной компании, счастливый семьянин и многодетный отец, происходит из старинной торговой династии... но поди ж ты, считает Алекса вожаком. Может, полковничьи эполеты всё ещё незримо лежат на плечах?

Разговорчивый, как и положено каноническому итальянцу, тем паче с юга, Анджело оказался отличным рассказчиком. Перескакивал с темы на тему, рассказывал об архитектурных особенностях зданий, мимо которых они проходили, оценивал встреченных женщин, выдавал забавные истории о семье. И всё это так складно...

– Мастер разговорного жанра, – вслух выдал попаданец после очередного перла итальянца.

– Одиннадцать поколений моей семьи торговлей занимается, – сказано с нешуточной гордостью, – да не абы какой, а посреднической. Без хорошо подвешенного языка и интуиции в таком ремесле делать нечего. Ну и связи, куда без них.

– И что тебе подсказывает интуиция?

– Что тебя надо держаться, – выдал Анджело без обиняков, став серьёзным, – есть в тебе что-то странное. Наверняка уже попадал в различные истории? Встречал таких людей, они как око бури<sup>19</sup>. Всегда какие-то события вокруг происходят. Больше опасностей, но и возможностей. Да и... интересно.

Фокадана пробил озноб, приключений наелся до конца жизни. Мелкие авантюры ещё куда ни шло, они придают жизни вкус. Но око бури?! Увольте.

Попаданец уже подметил за собой странноватую особенность подманивать приключения. Мелкие детали поведения, внешности – несмотря на прошедшие годы, до сих пор выделялся. Как бы ни маскировался, образ благонамеренного обывателя никак не давался.

Может, отсюда все беды? Выделяется из толпы и притягивает людей с авантюрной жилкой? Может быть... А может, это сама Реальность пытается уничтожить чужеродный организм?

Поймав себя на мистике, Алекс мотнул головой, отгоняя такие мысли. Не то чтобы совсем не верил в эзотерику<sup>20</sup>, сталкивался со странноватыми явлениями не раз. Одно попаданство чего стоит, поневоле поверишь во всякое. Но пытаться всерьёз думать о таком, да в его положении... опомниться не успеешь, как крыша поедет.

Анджело, видя помрачневшего Алекса, постепенно закруглил разговор, очень аккуратно прервав прогулку так, что не возникло неловкости.

---

<sup>17</sup> Здоровый Образ Жизни.

<sup>18</sup> Аналог геля для укладки волос.

<sup>19</sup> Он же «глаз бури». Специфическое атмосферное явление, когда в центре бури, шторма или тайфуна, стоит относительно нормальная погода, а все ужасы происходят вокруг.

<sup>20</sup> Учения о скрытой мистической сути объектов мира и человека; область изучения эзотерики – процессы, происходящие во Вселенной, синхронно отражающиеся в глубинах человеческой души.



– Не напиться ли мне? – Оставшись один, вслух сказал попаданец, встав на тротуаре в задумчивости, опёршись на трость. Проходящий мимо немолодой мужчина в военном мундире хмыкнул в усы и посчитал уместным дать совет.

– Судя по вашему лицу, молодой человек, напиться вам непременно стоит.

Гаштет<sup>21</sup> выбрал поближе к дому, из числа проверенных. Не то чтобы важно, но если вдруг перепьёт, то хозяин и прислуга знают, где он живёт. На заднем дворе гаштета и повозка стоит как раз для таких случаев. Сколько раз наблюдал, как по домам развозят перепившихся бюргеров...

– Шнапса, – сходу приказал Алекс, зайдя в помещение.

– Шварцвалдский есть, на травах, – услужливо сказал подскочивший официант со специфическим красным лицом профессионального дегустатора.

– Тащи!

Напивался Фокадан целеустремлённо, но поначалу без особого толка. Конечности работали плохо, а голова оставалась ясной – до определённого момента. Опыанел внезапно, и дальнейшее помнил плохо.

Открыв глаза, Алекс увидел голую задницу, которую использовал вместо подушки. Задница определённо женская и достаточно аппетитная – в буквальном смысле, с размазанным по всей поверхности мёдом, с прилипшими кое-где пушинками.

Со стоном отвалившись в сторону, огляделся, пересиливая головную боль. Вульгарная роскошь, картины эротического характера и прочие детали того же рода давали понять, что он в борделе. Дорогом.

С трудом встав, нашёл горшок и использовал по назначению, морщась от резкого аммиачного запаха. Вчера этот горшок явно использовали не раз, мда...

Найдя глазами шнур с колокольчиков, дёрнул, через минуту в дверь осторожно поскреблись.

– Господин?

– Входите, – вяло отозвался попаданец, не обращая внимания на то, что стоит обнажённым. Просочилась немолодая горничная несколько вульгарного вида – явно ранее работала здесь же, но в другой ипостаси. По крайней мере, даже не сделала вид, что смущается, увидев обнажённого мужчину.

– Помыться и опохмелиться. Пива.

Несколько минут спустя, наскоро ополоснувшись в тазике от мёда и прочего, лежал в горячей воде, пахнувшей горными травами. Кружка пива залита внутрь – без вкуса, как лекарство. На старые дрожжи, да в горячей воде, снова слегка опыанел.

В голове начали всплывать картинки, заставляющие морщиться. Погулял! Даже для выходца из двадцать первого века, насмотревшего в интернете всякого, да ещё и пожившего в общаге. Сильно погулял.

Вряд ли его эксперименты войдут в легенды борделя, но судя по всему, удивить и даже немного смутить девочек удалось. Мда... годовое воздержание в сочетании с нервным срывом, чтоб его. С другой стороны, хорошо хоть интерес к женщинам снова проснулся. Думал уже, что после смерти жены всё, отбегался.

Похмелье начало отступать, и жизнь перестала казаться мрачной. Сходил в бордель? Бывает... Чтобы не допустить срывов в будущем, требуется найти постоянную любовницу.

Как здесь обходятся? Замужних исключить, к черту все эти подходы с куртуазностью и тайным ухаживанием. Девиц из хороших семей туда же – портить им жизнь не хочется, да и жениться могут заставить. Даже не родственники с оружием, законодательство здесь такое.

---

<sup>21</sup> Небольшой ресторан, бар.

Найти кого попроще? Пожалуй... холостяки обычно пользуют служанок по совместительству. Или снимают квартирку какой-нибудь модистке или белошвейке. Хм... иногда и вскладчину.

Он может себе позволить снять квартиру, но съезжать от фрау Шпек не хочется. Вроде бы обычный пансион, но есть ощущение санатория, какая-то расслабленность. Для его расстроенной психики фактор немаловажный.

Пожалуй, стоит снять квартирку модистке. Среди горожанок из низших слоёв, желающих такой карьеры полно. Невинность там не цениться, а вот возможность заработать на приданое<sup>22</sup>, пусть даже столь непривычным способом, вполне. Решено!

Отмывшись, спросил счёт и скривился... восемьдесят марок! Погулял.

---

<sup>22</sup> В Европе заработать на приданое в борделе не было чем-то зазорным для женщины в некоторых кругах. Даже лавочник предпочитал взять в жёны женщину «с прошлым», но зато с деньгами. Кто не верит, может перечитать европейских писателей-классиков.

## Глава 3

Адольф фон Нарбэ, сделав ход, отошёл в сторонку. Разве что стали чаще попадаться на глаза студенты, обсуждающие развесёлую жизнь братств. Идти навстречу Алекс не спешит, невнятные намёки, это несколько не то, что хочется услышать. Будут конкретные предложения, тогда и подумает. Ну а нет... да и хрен с ними, с братствами.

После кратковременной вспышки интереса остыл к студенческим объединениям. Изначально это было интригой ради интриги, ибо минусов от близости к студенческим организациям, для него как бы не больше, чем плюсов. Бегать за ними точно не станет.

\* \* \*

Алекс учился как одержимый, посещая лекции в университете и нанимая учителей частным образом. Обнаружился колоссальный провал в черчении, теперь приходится срочно навёрстывать. Технический немецкий, уроки прикладной химии. В этом времени инженер считается, да и является, таким мастером на все руки.

Вчера инженер прокладывал железную дорогу, сегодня проектирует пароходы, а завтра укрепления. Узкая специализация у технарей только начиналась. Правда, и объём знаний пока относительно скромный, инженер действительно может быть многостаночником.

Зато и требования другие. Не знать, где посмотреть, а выучить наизусть. Помнить логарифмы, производить в уме сложнейшие вычисления. Среди инженеров считается шиком на глаз определять расстояние и вес, причём с как можно большей точностью.

Для попаданца это оказалось проблематично, возникли проблемы как с заучиванием, так и со счётом в уме. Пришлось вспоминать методики устного счёта и работы с памятью – благо, в детстве по ним занимался некоторое время.

Вспоминать оказалось той ещё проблемой, и изобретением велосипеда. Почти закончив записи, Алекс наткнулся в букинистическом магазине на соответствующие методички, притом качественные, написанные на диво простым и понятным слогом. Не в первый раз вляпывается этак, считая предков априори глупее потомков.

Работа с памятью и сложными вычислениями в уме идёт с переменным успехом, но заниматься по двенадцать часов в сутки просто нереально, как бы этого ни хотелось. Дабы разгрузить мозги, Алекс начал ходить к Майлзу почти ежедневно, часто гулял по Берлину, брал напрокат лошадей для выездов. Решились дела с модисткой, так что зов естества поутих.

\* \* \*

Присланные архивы оказались не только от северян. В КША также знали о желании Фокадана осветить Гражданскую Войну. От южан пришла только пара чемоданов с документами, но зато структурированных должным образом.

Алекс задумал написать книгу перевёртыш<sup>23</sup>, когда одни и те же события освещаются с разных сторон. Выборы, начало войны, битвы, и всё это с противоположных сторон. Очень интересно может получиться, особенно если сделать главы зеркальными, а не вразнобой. Для лучшего маркетинга даже придумал дизайн обложки в виде двух сторон одной стилизованной монеты с гербами КША и САСШ.

---

<sup>23</sup> Книга, у которой обе сторонки переплета (обложки) начальные: от одной начинается одно произведение со своим тит. л. и своей пагинацией, от другой – другое, также со своим тит. л. и своей пагинацией. Чтобы после чтения одного прочитать другое, надо книгу перевернуть (отсюда русское название).

Очередное письмо от Фреда заставило крепко задуматься...

«— ... Экономика КША растёт стремительно. Хочется иногда ущипнуть себя: не сплю ли? Французские кредиты и отсутствие таможенной кабалы со стороны САСШ творят чудеса. Заводы Конфедерации загружены заказами самое малое на полгода интенсивнейшей работы, а многие и на полтора. Про хлопковые плантации и говорить не буду – самому не верится, настолько хорошо идут дела в сельском хозяйстве.

Восстановление экономики в КША правительственными заказами, спрос на наши промышленные товары в Мексике, снабжение французских войск там же... Для Юга ныне наступил период, который позже, возможно, назовут Золотым Веком!

Рабочие руки востребованы так, что между фабрикантами происходят ссоры из-за новоприбывших, были уже и дуэли. Может такое представить? Фабриканты стреляются из-за рабочих!

Кельты, да и прочие мигранты, не могут поверить в такое счастье – платят здесь едва ли не в десять раз больше, чем платили пару лет назад в САСШ<sup>24</sup>. По крайней мере, если оценивать именно покупательную способность. Все оделись и обулись, ходят важные, с сияющими лицами. Некоторые завели себе тросточки и пенсне, смотрится это преуморительно, ибо пользоваться сим добром не умеют. Правда, пить и буяннить стали заметно меньше, они же теперь «джентельмены».

Я и сам вкладываю свободные средства в несколько проектов, дабы не прогореть, если вдруг что пойдёт наперекосяк. Немного акций разных предприятий и участок земли под застройку. Небольшой, всего в четверть акра<sup>25</sup>, да и тот не слишком близко от города. Но лет через десять или двадцать Майами как раз подрастёт, и участок окажется не просто в городской черте, а в достаточно перспективном районе. Ещё несколько таких участков, и можно не думать о старости с тревогой – она будет безбедной.

Цены на землю пока держатся не слишком высоко, но если верить словам людей сведущих, это продлится не больше двух лет. Так что если имеются свободные средства, то стоит подумать о покупке земли в КША.

С другой стороны, промышленность демонстрирует не менее высокий рост.

Теперь немного о политике: хунта решила установить официальные барьеры для иностранцев при покупках имущества в КША. Прежде всего это земля и акции в промышленности. Как ты можешь догадаться, для граждан САСШ и Англии эти барьеры самые высокие, а для французов самые низкие.

Сделано это под давлением Франции, желающей окончательно разорвать связи КША с САСШ. Не все на Юге этим довольны, но на волне недавней войны закон продавили без особых проблем. Тем паче, что креолы<sup>26</sup> и индейцы из Пяти Племен<sup>27</sup> поддержали закон всеми силами.

САСШ демонстрирует столь же неприязненное отношение к нам. По всей видимости, в Лондоне придерживаются аналогичной политики.

Думаю, для тебя уже не секрет, что САСШ, по сути, управляют ныне из Букингемского дворца<sup>28</sup>? Так что можно смело утверждать – война Англии и Франции не за горами, и КША с САСШ будут воевать за своих фактических сюзеренов.

---

<sup>24</sup> Напоминаю, во время Гражданской Войны в САСШ сильно выросли цены в больших городах, а зарплата осталась по большей части на том же уровне. И без того невысокая оплата труда (кое-где платили по 2 цента в час) стала насмешкой. По факту, заработной платы среднестатистического работника в Нью-Йорке, хватало только на койку в бараке, скверную еду и одежду «очень секонд хэнд»

<sup>25</sup> Акр – 0,4 гектара. Соответственно, четверть акра – 10 соток.

<sup>26</sup> Потомки первых европейских (французы, испанцы, португальцы) колонистов на территориях Америк.

<sup>27</sup> Термин, обозначающий пять индейских народов США – чероки, чикасо, чокто, крики и семинолы – которые в начале XIX века уже усвоили многие обычаи и достижения белых поселенцев и установили довольно хорошие отношения с соседями.

<sup>28</sup> Официальная лондонская резиденция британских монархов.

Большинство южан понимает это, и восторга никто не испытывает. Остаётся только надеяться, что участие КША в войне будет скорее формальным, и до серьёзных столкновений дело не дойдёт.

Закалённые войной полки Конфедерации чудо как хороши, да и боевой дух высок. Но мало людей, даже вместе с мигрантами. Да и экономика, несмотря на бурный подъём, остаётся пока хрупкой, запаса прочности у КША немного.

Демонстрировать вооружённые силы у границ САСШ, дабы связать вражеские полки, сил у Конфедерации хватит. САСШ также не горят желанием сражаться, боевой дух северян крайне низок, а экономика ушла в глубокое пике.

Англичане, конечно же, помогут своим фактическим вассалам, но не думаю, что они будут восстанавливать промышленность. По крайней мере, в ближайшие годы, иначе новая-старая колония может сорваться с поводка. Скорее можно ожидать целевых кредитов на армию и флот, да поставок вооружения. Для кратковременного конфликта северянам хватит и такой помощи.

Впрочем... поглядим. Все мои рассуждения о Большой Политике дилетантски смешны. Кэйтлин...»

Прочитав письмо, и дважды перечитав драгоценные строки о дочери, Алекс задумался. Экономический взлёт КША понятен и оправдан, но по его мнению, энтузиазм Фреда несколько избыточен.

Экономика восстанавливается потрясающими темпами, но дальше неизбежен стеклянный потолок<sup>29</sup>. Автаркия<sup>30</sup> КША не грозит, но вряд ли что-то помимо хлопка выйдет на международный уровень. По крайней мере, в серьёзных масштабах.

Европе не нужны конкуренты, в САСШ отношение к новому соседу неприязненное. В Южной и Центральной Америке властвуют испанцы и португальцы, англичане и французы. Против нового игрока ополчатся все страны, присутствующие в регионе.

Азия и Африка? Ну разве что в далёкой перспективе. Очень далёкой.

Правда, остаётся надежда, что экономика Конфедерации получится не самой мощной, зато здоровой и сбалансированной. Тем паче, такую страну-середнячка без особых амбиций, европейские лидеры воспримут с большим удовольствием.

Сейчас цены на землю в КША крайне малы, да и промышленность на взлёте. А вот потом цены на землю, недвижимость и акции промышленных предприятий должны взлететь неоправданно высоко и снова качнутся вниз – неоправданно низко. Такие качели могут сыграть несколько раз. По крайней мере, если вспоминать историю многочисленных экономических кризисов, получается именно так.

Спекуляция? Алекс отложил эту мысль на будущее, для дальнейшего рассмотрения. Если появится инсайдерская информация<sup>31</sup> из верхних эшелонов власти, да будут соответствующие связи, тогда и будет думать.

Пока же письмо натолкнуло на идею вложить деньги туда, где фактически гарантирована прибыль в сотни, а то и тысячи процентов в ближайшие годы. С учётом же перспектив на десятилетие, выглядит это очень многообещающе.

Заманчиво, ох заманчиво... Не то чтобы не хватает средств, себе-то что уж врать-то? Пьесы, патент, удачное вложение в плантацию, и вот он уже представитель средне-высшего

---

<sup>29</sup> Невидимый барьер в бизнесе, политике или иных сферах деятельности.

<sup>30</sup> Система замкнутого воспроизводства сообщества, с минимальной зависимостью от обмена с внешней средой; экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот.

<sup>31</sup> Существенная, публично не раскрытая служебная информация компании, которая в случае её раскрытия способна повлиять на рыночную стоимость ценных бумаг компании. В более глобальном масштабе – знание грядущих экономических реформ в стране.

класса. Возможность жить в особнячке с прислугой и вести праздный образ жизни, не слишком-то экономя при этом.

А теперь появился шанс стать безусловно богатым человеком из тех, кто способен содержать яхту с экипажем и покупать любовницам особнячки. Денег-то хватает, даже с избытком – ведёт он достаточно скромный образ жизни и как-то не замечается пошлой тяги к роскоши.

Но иметь такую возможность ох как здорово! Просто знать, что если вдруг понадобится, ты можешь позволить себе очень многое. Яхту, парадный выезд с четвёркой породистых лошадей, особнячок для любовницы. Или типография для газеты ИРА, медицинское училище, стипендии для талантливой молодёжи.

Пьесы, это конечно хорошо, но по-настоящему больших денег на этом не заработаешь. По крайней мере, быстро.

Изобретения? В технике он пока... Стоп! Почему именно техника или технические изобретения?

Банальнейшая игра Пятнашки в девятнадцатом веке стала настоящей манией на какое-то время. В неё играли повсюду, особенно когда объявили о награде за решение задачи по сборке головоломки. В тысяча восемьсот восемьдесят... так она ещё не изобретена!

А ещё есть Скрэббл<sup>32</sup>, Монополия<sup>33</sup> и другие. И Алекс их знает! Причём Скрэббл знает как в английском, так и в немецком варианте, в институте они были достаточно популярны, как хорошее подспорье для тех, кто изучает язык. Помнит историю создания игры, так что нетрудно сделать её на любом языке.

Вспотев от волнения, попаданец принялся переносить свои знания на бумагу, ломая карандаши подрагивающими руками. Перспективы маячили самые радужные.

Алекс не обольщался, прекрасно понимая, что подобную мелочёвку подделать невероятно легко, и значит – подделывать будут непременно. Но если вложиться, можно снять сливки и надеяться на пусть и не могучий, но вполне заметный денежный ручеёк в дальнейшем.

Два дня ушло на то, чтобы сделать грубоватые варианты игр из плотной бумаги, картона и деревянных плашек. Для патентования хватит, а там умельцы найдутся.

Патентовать решил через проверенную адвокатскую контору, головной офис которой находился в Париже. Тамашние клерки оформляли сделку с модульными железными дорогами, и работой их Алекс остался доволен.

Одежду и бельё в чемодан, документы и бритвенные принадлежности в саквояж. Туда же заряженный револьвер и коробка патронов. Нет, два револьвера, параноя наше всё! Два дерринджера – Париж известен не только борделями и театрами, но и маргинальными элементами редкой наглости.

Париж ныне де факто<sup>34</sup> столица Европы и претендует на роль столицы мировой. Количество прожигателей жизни, финансовых спекулянтов и богемы соответствующее. Ну и куда такой обители порока без преступников? Тоже нередко мирового класса.

Посидеть на дорожку...

– Меня не будет около двух недель, – предупредил он фрау Шпек ещё раз, спустившись с лестницы к фиакру<sup>35</sup>, – деловая поездка.

Фрау закивала мелко, в глазах у неё восторг человека, причастного к Большой Политике.

---

<sup>32</sup> Игровое поле состоит из 15×15, то есть 225 квадратов, на которые участники игры выкладывают буквы, составляя тем самым слова. В начале игры каждый игрок получает 7 случайных букв (всего их в игре 104). Через центральную клетку игрового поля по горизонтали или вертикали выкладывается первое слово, затем следующий игрок может добавить слово «на пересечение» из своих букв. Слова выкладываются либо слева направо, либо сверху вниз. Каждый игрок стремится выиграть игру, создавая больше слов на основе имеющихся фишек с буквами.

<sup>33</sup> Настольная игра в жанре экономической стратегии для двух и более человек.

<sup>34</sup> «На деле», «фактически» – латинское выражение, означающее нечто действительное, но не закреплённое законом.

<sup>35</sup> Городской конный экипаж того времени, аналог такси.



## Глава 4

Раздражённо закрыв книгу, Алекс придержал страницу пальцами. Ну невозможно читать, когда так трясёт! Буквы прыгают перед глазами, строчки разбегаются, а голова от такого чтения разламывается.

Дама, сидящая напротив выразительно уставилась на попутчика, еле заметно ткнув локтем сидящую рядом товарку. Алекс предпочёл не заметить взглядов и снова открыл томик. Пусть даже читать невозможно, но развлекать скучающих дам? Увольте.

Будь они хоть немного умны и чем-то интересны, но нет. Попутчицы, как назло, попались на редкость невыразительные, серые, и при этом с раздутым самомнением.

Постоянно отвешивать вымученные комплименты давно увядшей (скорее даже никогда не расцветавшей) красоте, смеяться над заплесневелыми шутками и сохранять любезно-восторженное выражение лица? Пусть лучше рассказывают, что ехали с совершенно невоспитанным хамом. Благо, попаданец немного обтесался в девятнадцатом веке и знал, что его невнимание к женщинам пусть и не совсем прилично, но за рамки не выходит.

Путешествие не заладилось с самого начала – сперва в попутчики достался молоденький священник-лютеранин с блеклыми глазами фанатика, разговаривающий цитатами из Библии, да на повышенных тонах. Благо, хоть супруга священника, сильно смахивающая на рыбу специфическим лицом и глазами навывкате, молчала, вздрагивая при каждом резком движении мужа.

Отмолчался, хотя цитаты, коими священник встречал всё мало-мальски интересное, проплывающее за окнами, раздражали донельзя. Особенно шизофренические утверждения фанатика, что это знаки, и они повсюду. Тот самый случай, когда человек беседует с Богом, и Бог ему отвечает<sup>36</sup>.

Потом сел чересчур дружелюбный коммивояжёр с лишним весом, от которого несло застарелым запахом пота и сильно воняло изо рта. Причём сильно – это по меркам девятнадцатого века, где подобным мелочам не придают особого значения. Окно не открыть, ибо угольная пыль из топки воняет не менее резко, вызывая раздражающий лёгкие кашель, и оседая вдобавок на лице и одежде.

Теперь вот две молодящиеся дамы, возвращающиеся из поездки к дальней родне. Избыточно надушенные, чтобы перебить запах пота, одежды постоянно шуршат, этот мерзкий жеманный смех, отточенный ещё в третьесортной частной школе для девочек. Алекса передёнуло.

Уйти некуда, каждое купе по сути – отдельная ячейка с дверью наружу, этикие каретные экипажи, сцепленные один с другим. Свои достоинства в этом есть, наверное. Но попаданец бы предпочёл ехать в самом занюханном плацкарте РЖД, с неработающим сортиром, дембелями и цыганским табором, чем в вагонах первого класса, образца пятидесятых годов девятнадцатого века.

Железные дороги в Европе имеют более узкую колею, чем русские или американские, отчего вагоны трясёт заметно сильнее. Короче рельсы, стыки подогнаны не так тщательно, как в двадцатом и двадцать первом веке. Много мелочей, и к сожалению, сплошь неприятных.

Теперь попаданец прекрасно понимает, что значить устать с дороги. Душу вымотает такая поездка! Право слово, легче провести столько же времени в седле!

– Подъезжаем, Эльзас, – Глянув в окно, выдохнул с облегчением Фокадан, вскакивая с набитого конским волосом сиденья – весьма неудобного, к слову, – пойду разомнусь. Дамы...

---

<sup>36</sup> Если человек беседует с Богом, это молитва. Если Бог отвечает ему, это шизофрения.

На плиты перрон Алекс соскочил, как только поезд остановился, и как оказалось – зря. Клуб угольного дыма, выпущенный напоследок из паровозной топки, заставил закашляться, негромко ругаясь и сплёвывая угольную пыль.

Почистившись с помощью услужливого носильщика щёткой и влажной тряпкой, дав тому на чай мелкую монету, Фокадан отправился в привокзальный туалет, а затем в ресторан при станции. Стоять будут больше двух часов, есть время подзаправиться.

В девятнадцатом веке рестораны при вокзалах не тошниловка с неоправданно задранными вверх ценами, а лицо города. Отменное качество гарантировано, даже торговцы пирожкам и прочей снедью для простолюдинов из вагонов третьего класса, проверены и перепроверены. Всё свежайшее и вкуснейшее.

Отдав плащ и шляпу гардеробщику, Алекс прошёл вглубь помещения, отделанного с большим вкусом. Строгие, лаконичные обводы мебели, белоснежные скатерти на столах, картины с натюрмортами и пасторальными пейзажами на стенах, шахматный рисунок пола составлен из плашек разных пород деревьев. С десятков больших фотографий вокзала и города у входа, дабы посетитель мог совершить мысленную экскурсию, не покидая уютного помещения.

– Чего-нибудь сладкого, – садясь на стул, устало попросил материализовавшегося немолодого официанта с одутловатым лицом.

– Яблочный штрудель у нас сегодня особенно удался, – доверительно сказал официант надтреснутым баском, чуточку наклонившись и забавно шевеля пышными седоватыми усами с лёгкой желтизной, – повар прямо-таки сам себя превзошёл. А потом – чудесные пирожные на меду с орехами. Персидский рецепт, очень интересный вкус. Господа все в восторге, а многие дамы так и рецепт спрашивают. Необыкновенное лакомство!

Благосклонный кивок.

– Чаю или кофе подать? Может, покрепче чего?

– Чаю, – жестом и гримасой показывая неуместность чего покрепче, – Зелёный есть? Покрепче.

– О, вы ценитель! – Восхитился официант, исчезая.

Штрудель и вправду оказался выше всяких похвал. Что-что, а готовят в девятнадцатом веке прекрасно. Никаких перекусов на бегу, никаких полуфабрикатов. Хорошая кухня – предмет особой гордости хозяйки.

– Извините, месье, – снова неслышно возник официант со смущённо-виноватой физиономией, чуточку напоказ теребя переброшенную через руку снежно-белую салфетку, – вы позволите одному почтенному господину присоединиться к вам за столом?

– Разумеется.

– Благодарю, месье, извините за беспокойство.

Грузный молодой мужчина с рваным, плохо зажившим шрамом на скуле и массивной тростью, тяжело сел, отставив больную ногу в сторону.

– Благодарю, герр...

– Смит. Алекс Смит.

– Френсис фон Страу.

Настроения разговаривать не было ни у кого, так что обменявшись дежурными фразами о поездке, ели молча. Алекс покончил со штруделем и пирожными менее чем за полчаса, как бы ни растягивал время.

Он так и не проникся местными привычками сидеть за столом часами. Представители хороших семей тратят просто невероятное количество времени на еду. Минимум сорок минут на завтрак, полтора часа на обед, два-три на ужин, ещё всякие там чаепития и перекусы. Именно минимум, порой за столом проводят большую часть светового дня.

Понятно, что за столом люди не столько едят, сколько общаются, решают какие-то вопросы. Да и развлечений в девятнадцатом веке по большому счёту очень немного, хорошая

еда и алкоголь в этом списке на первых позициях. Но всё равно, неужели нельзя проводить время с большей пользой?

Те, кто может себе это позволить, едят очень много, но что странно – по-настоящему толстых людей почти не встречается. Правда, это не мешает каждому второму маяться от болезней желудка или кишечника, да и несварение считается чем-то совершенно естественным. Касторку регулярно употребляет почти каждый хроноабориген, некоторые прямо-таки у лошадиных дозах.

Избыточным весом обладает большинство представителей среднего и высшего класса, но толстяков весом от полутора центнеров и выше попаданец не встречал ни разу<sup>37</sup>. Может, правду говорили, что толстеют не только от калорий, но и от добавок в пищу?

От безделья Алекс прошёл по вокзалу, прикупив сувениров и оценив строгую красоту здания и прилегающей площади, заботливо выложенной гранитной брусчаткой.

– Очень, очень недурственно, – вслух проговорил он на немецком, оглядывая лаконичную архитектуру, великолепно вписанную в пейзаж.

– Местный уроженец проект создал, – доброжелательно отозвался жандармский<sup>38</sup> офицер, оказавшийся неподалёку.

– Талантливый архитектор, – поддержал разговор Алекс.

– О! Вы не поверите, но это обычный учитель гимназии, преподающий латынь!

– В самом деле?

Завязался разговор, в котором офицер попытался прощупать немного попаданца, но услышав имя Алекс Смит, быстро остыл и вежливо откланялся.

Размолвка Франции с Пруссией сказалась на политике государств, ведены взаимные санкции и ограничения, но пересекающих границу пассажиров почти не трогали. Времена сейчас такие, что состоятельный человек может спокойно перемещаться по Европе с оружием, и ни одному таможеннику, жандарму или полицейскому не придёт в голову останавливать его. Какие там разрешения и лицензии? Видно же, что приличный человек, что ещё надо?!

Ещё раз обойти вокзал и посетить магазинчик с сувенирами, затем привокзальная площадь, экскурсия по центру города. Заняться решительно нечем, взятые в поездку книги, рекомендованные услужливым продавцом из книжной лавки, оказались исключительной ерундой. Хороший слог, неглупые рассуждения, но описание природы на десяток страниц?! Экскурсы в детство то автора, то главного героя, да непременно с идиллически-фальшивыми воспоминаниями, созданными будто под копирку?

Посмотрев на часы, Алекс поморщился от двоякого чувства. Отчаянно не хочется возвращаться в купе, к попутчицам, провонявшим потом, духами и чем-то вроде нафталина. Но и затягивать путешествие, длящееся вот уже третий день, нет никакого желания. Ох...

\* \* \*

В Париж попаданец прибыл совсем разбитый. Носильщик и поездка на фиакре почти не запомнились, осталось только впечатление бесконечной стройки и слова извозчика:

– Барон Осман<sup>39</sup> город перестраивает.

---

<sup>37</sup> Таких людей показывали в цирках, в обычной жизни они почти не встречались.

<sup>38</sup> Во Франции это части внутренних войск (ВВ), судебного конвоя, региональной и военной полиции Французской Республики двойного подчинения (Министерству внутренних дел и Министерству обороны Французской Республики).

<sup>39</sup> Настоящая фамилия «Хаусман», известный государственный деятель, во много определивший современный облик Парижа.

Прельстившись названием Козочка<sup>40</sup>, взял номер в гостинце классом чуть выше среднего. Отдав бельё в прачечную, отмылся в ванне и залёг в кровать почти на сутки. Проснулся ближе к полудню вялый и немного разбитый, но в общем-то работоспособный.

Одежда, выстиранная и выглаженная, лежала на стуле стопочкой, так что попаданцу осталось только отправить мальчика-служку с запиской в адвокатскую контору и ждать ответа. Дела нынче ведутся неторопливо, поэтому сидеть в гостинице и ждать Алекс не видел смысла.

Одевшись, наскоро перекусил и отправился гулять по фактической столице Европы. Впечатление грандиозной стройки подтвердилось – повсюду высятся строительные леса, а улицы перекопаны будто в ожидании танков. Правда, и результат впечатляет.

Вместо прежних средневековых улочек, кривых и узких, застроенных такими же кривыми фахтерковыми<sup>41</sup> домиками из говна и палок, где жители сидели друг у друга на головах<sup>42</sup>, обозначились проспекты и бульвары, добротные дома. Появилась возможность нормальных грузоперевозок по городу, а количество люмпенов<sup>43</sup> начало уменьшаться.

– Столица преображается, – панибратски обратился к нему небогато одетый старичок, чертами лица и манерами сильно похожий на очеловеченную крысу, – какой город будет!

В разговор попаданец ввязываться не стал, заметив несоответствие умильной улыбки милого старичка и холодного, расчётливого взгляда профессионального вора. Здесь таких персонажей много.

Возможно, знакомцы из берлинского университета и перегибали палку, рассказывая о парижских бандитах и мошенниках, всё-таки отношения у государств далеки от идеала, что не могло не сказаться. Но и официальная, сильно заглаженная статистика пугала. Количество краж, убийств, афёр, принуждений к проституции и прочего зашкаливало за все разумные рамки. Париж воистину является столицей Европы. По крайней мере, криминальной.

Пообедав в неплохом ресторанчике с традиционными блюдами, составил мнение о французской кухне: вкусно, хотя местами и на любителя, но очень уж жирно. Без вина во рту будет навязчивый вкус масла или жира. Да и разрекламированное французское вино не пошло. Впрочем, гурманом или ценителем алкоголя попаданец никогда себя не считал.

\* \* \*

– Очень интересные игры, молодой человек, – месье Леблан пожевал дряблые старческие губы, откинулся на спинку антикварного кресла, и ещё раз окинул старческим дальнотзорным взглядом разложенные на столе проекты попаданца, – не могу сказать, насколько бурный коммерческий успех их ожидает. Сами понимаете – подделать такие вещи легко, никакой фабрики не понадобится. Но очень интересно. Знаете, я бы взялся. Знакомых у меня много, накопились как-то за долгую жизнь. Так как, полковник Фокадан, продадите мне генеральную лицензию на территории Франции и её колоний?

Приблизительные расценки Алекс знал, так что сговорились за двадцать тысяч франков золотом<sup>44</sup> единовременно, и достаточно скромный процент с продаж. Он было начал торго-

---

<sup>40</sup> В книге «Двадцать лет спустя» Д'Артаньян жил в гостинице в таком названии.

<sup>41</sup> Дома с несущим каркасом из наклоненных под углами балок, выступающих с наружной стороны построенного здания. Пространство между балок может заполняться чем угодно – камнем, кирпичом, глинобитным материалом и так далее. Чаще всего использовались самые дешёвые наполнители (каркас-то есть, к чему мудрить с камнем?), вплоть до сушёного навоза вперемешку с соломой.

<sup>42</sup> Были кварталы, где количество жителей на 1 км.2 доходило до 100 000 человек. Условия проживания можете представить сами. При этом нужно помнить, что это не многоэтажки, а домики не более пяти этажей, даже если учитывать мансарду.

<sup>43</sup> Деклассированные слои населения, не имеющие какой-либо собственности, перебивающиеся случайными (в том числе и асоциальными) заработками и не обладающие нравственным кодексом.

<sup>44</sup> Курсы ассигнаций (бумажных банкнот) по отношению к золоту и серебру были традиционно ниже. Так, один франк бумажками, мог стоить 0,6 франка серебром или золотом.

ваться, но переспорить матёрого адвоката с более чем полувековым стажем непросто. К тому же, ощутимо давила обстановка богато обставленного кабинета, где каждая вещь с историей. Ну и жаркая духота с тяжёлыми запахами немытого стариковского тела мешала, не без этого.

– Взявшись за дело самостоятельно, вы может выручить большие деньги, а можете и прогореть, – давил Леблан, положив на стол сцепленные руки и чуть наклонившись вперёд, – В таком деле нужен не столько даже опыт, сколько связи. Реклама, поставщики, благожелательно отношение властей, помощь полиции и жандармерии в ловле нарушителей патента. В чужой стране не стоит и браться.

– Повышаем до семи процентов, – предложил Алекс, на что Леблан молча потянул руку, скрепляя сделку.

Скрэбблс представлен только на английском, немецком и французском. К своему стыду, современного русского<sup>45</sup> попаданец просто не знает, зато помнит алгоритм, по которому можно составить свои варианты игры для каждого языка.

Мелочиться не стали, наняли грамотных носителей языка и перевели игру более чем на два десятка языков, включая турецкий, чешский и шведский. Пусть будет.

– Можно устроить, чтобы выпуск игр в Конфедерации шёл через Фреда Виллема? – Поинтересовался Фокадан, – а в САСШ – через Томаса О'Брайена.

– Родне и друзьям помочь? Похвально, почему бы и нет? Насколько я помню, они у вас хваткие.

Написав письма близким, Алекс по телеграфу предупредил хозяйку пансионата, что задержится. После оформления патентов и получения денег, настроение стало самым легкомысленным.

Есть деньги, молодость и желание покурлесить. Так почему бы и не задержаться в Париже?

---

<sup>45</sup> В современном русском алфавите 33 буквы. В алфавите, принятом до реформы 1918 года – 37, причём «Е» и «Ё» считались одной буквой. До Петра Первого букв было 43, а до Романовых – 48. Соответственно, язык отличался заметно, тем более – письменный.

## Глава 5

Надев мешковатые серые штаны и синюю блузу из популярной в среде простонародья конопляной ткани<sup>46</sup>, Алекс подпоясался. Затем обул стоптанные, но ещё крепкие ботинки и с удовольствием притопнул ногой по старому ковру, лежащему на полу номера. Глупость, конечно, но ностальгия же, чёрт возьми!

Вылазка в рабочие районы, это вроде турпохода. Тяжёлый переход, натёртые ноги и плечи, комары, дым от костра. Но когда знаешь, что эта романтика ненадолго, и что вскоре вернёшься в уютную квартиру, к водопроводу и туалету со смывом, можно поиграть в выживальщика, наслаждаясь красотами природы и непривычной обстановкой. А уж когда вернёшься, скинешь тяжёлый рюкзак и заляжешь в ванну... благодать!

– Прекрасно, Пьер, у вас отменный глазомер.

– А как же, месье, – осклабился портье шербата, спрятав денежку в карман и приглаживая шикарные бакенбарды, – в шевольежерах<sup>47</sup> служил, не абы где! Да и вы не первый постоялец, что задумал поиграть в Гаруна аль Рашида<sup>48</sup>.

Попаданец кивнул с улыбкой, не отвечая на лёгкую подначку – тема Погружения в трущобы и впрямь очень популярна в определённых кругах. Что интересно, почему-то трущобы должны быть именно парижскими, вроде как романтично.

Русский барин, приехавший проматывать выкупные деньги<sup>49</sup>, или немецкий юнкер, решивший покутить в Париже, могли сроду не интересоваться, как живут бедняки у них на родине. А вот жизнь бедняков парижских казалась почему-то интересной и достойной изучения.

Хотя бы одна прогулка инкогнито стала едва ли не правилом хорошего тона в около богемных и прогрессивных кругах. Дальше рабочих кварталов, сравнительно безопасных, редко кто заходит. Обычно берут в качестве охраны браво<sup>50</sup>, и идут компанией в несколько человек, чувствуя себя отважными первопроходцами в дикарском племени. Рабочие раскусывают таких этнографов на раз, относясь со сложной смесью презрения и классовой неприязни.

Договариваться с браво у Алекса желания нет, польза от них по большому счёту сомнительная. Проверенные телохранители с рекомендациями стоят недёшево, водят туристов по тщательно подобранным безопасным маршрутам, попутно всеми способами раскручивая на деньги. Непроверенные же... спасибо, одному безопасней. Тем паче, с трущобам, пусть и нездешними, знаком не понаслышке, да и опыт городских боёв куда как побольше, чем у местных наёмников.

Полчаса спустя Алекс затерялся в рабочих кварталах, с любопытством оглядываясь по сторонам и не пытаясь притвориться местным. Поглазеть есть на что – улочки бедных районов Старого Парижа пусть и не являются архитектурными достопримечательностями, но свой шарм<sup>51</sup> у них есть.

---

<sup>46</sup> Из конопли ткали в то время паруса. Поскольку парусные суда постепенно вытеснялись пароходами, то парусине старались найти иное применение. Нередко одежда для простонародья шилась не просто из конопляной ткани, а непосредственно из парусины, залежавшейся на складе.

<sup>47</sup> Вид лёгкой кавалерии.

<sup>48</sup> Халиф Багдада, которому сказочники приписали прогулки по улицам города. Якобы он переодевался и неузнанный бродил по Багдаду, отчего был в курсе любой творящейся там несправедливости.

<sup>49</sup> Реформа 1861 года сделала русских крепостных крестьян лично свободными и... одновременно привязала их к земле. Крестьян вынудили выкупать землю по многократно завышенной (в пять-шесть раз) цене, причём с процентами, одновременно всячески осложнив выход из общины.

<sup>50</sup> Мастера фехтования невысокого полёта, которые подрабатывали телохранителями, охранниками и наёмными убийцами.

<sup>51</sup> Очарование.



Узкие, кривые, верхние этажи часто больше нижних, так что почти смыкаются наверху, солнца здесь почти не бывает. Стены домов выщербленные, крепко попахивающие мочой и экскрементами. Под ногами грязь вперемешку... лучше не думать, с чем она тут вперемешку.

Но такого состояния безнадёги, как в Лондоне, нет. Живут побогаче, пусть и ненамного. Нет жёстко закреплённой кастовой системы, печально знаменитых работных домов и облав за будущими морями Королевского Флота. Лица не то чтобы блещут интеллектом, но посветлей, чем в Лондоне или Нью-Йорке. Больше улыбок, смеха, меньше пьяных и наркош. Дети лучше одеты, среди них меньше рахитов, малыши без опаски относятся к взрослым.

Впрочем, это ещё не трущобный район.

Размышления прервали чужие пальцы в кармане блузы.

– Найдёшь что, так поделись, – бросил Алекс, не оборачиваясь. Рука исчезла, её обладатель захихикал и забежал вперёд, посмотрев в глаза попаданцу. Среднего роста<sup>52</sup>, физиономией смахивающий на де Голля, вертлявый и узкоплечий, обманчиво слабый.

Попаданец уже встречал этот галльский тип, когда мужчина кажется голодным недокормышем. Ан нет, вполне крепкие ребята, просто типаж такой.

– Не боишься, – констатировал карманник удивлённо, – не местный, а не боишься.

– После Лондона и Нью-Йорка-то? – Пренебрежительно бросил бывший студент, глядя свысока.

– Морячок? – Оживился вор, делая непонятную распальцовку.

– Кочегаром однажды Атлантику пересёк, больше на флот не тянет.

– А чем...

Алекс тяжело поглядел в глаза вору, тот начал было играть в гляделки, но через несколько секунд сглотнул и испарился. Исчезли и прочие мелкие сязки того же пошиба, крутящиеся неподалёку – попаданца сочли серьёзным человеком из своих.

Гаргот<sup>53</sup> на одной из узких улочек привлёк внимание яркой вывеской, чуть-чуть не дотягивающей до почётного звания абстракционистской. Не выпивкой и закуской, само собой, а как своеобразная туристическая достопримечательность.

– Зайти, что ли? – Пробормотал Алекс на французском, замерев в раздумьях, брезгливо глядя на дверь с явственными следами крови, пропитавшей неструтанные доски.

– А и заходи, – весело отозвался какой-то бедно одетый немолодой мужчина, с красными склеротическими прожилками на щеках и носу, заскакивая в недра заведения.

Нырнув вслед за завсегдатаем, едва не выскочил назад – такого зловония давно не встречал! Вонючая, липкая грязь под ногами – из рвотных масс, сгнивших объедков и плевков. Тяжёлые столы и низенькие скамейки со стульями, из полусгнившей и изначально некондиционной древесины. Мебель липкая даже на вид, с многолетними наслоениями.

Давешний алкоголик, уже успевший получить донельзя грязный стакан какого-то мутного пойла и жадно глотал его, запрокинув голову, показывая крупный кадык и плохо выбритую щетину с прогуливающимися вошками на шее, выглядел самым приличным обитателем этого зоопарка.

– Славное пойло! – Выкрикнул сипло алкаш, допив стакан и залихватски поставив его на стойку, – настоящий сироп для забулдыг! Папаша, тащи похлёбку!

Неопрятный мужик с сильно обвисшим пузом и щеками, лежащими едва ли не на плечах, равнодушно наполнил глиняную миску из стоявшего тут же котла. Запах ударил такой, что попаданец поспешил выйти. Он-то думал, что после лондонских трущоб и похлёбки из объедков его ничем не удивишь...

---

<sup>52</sup> Средний рост французского рекрута ближе к концу 19-о века (то есть в более благополучные времена) был 164,7 см. При этом нужно учесть, что в солдаты отбирали более-менее рослых людей. То есть средний рост мужчины-француза был в то время менее 160 см.

<sup>53</sup> Харчевня или трактир низшего пошиба.

– Что, не по нраву еда пролетариев!? – Взъерился внезапно невзрачный мужичок, вскакивая с лавки и вытягивая из-за пазухи большой нож с обломанным кончиком и явными отметинами ржавчины. Абориген казался себе ловким и умелым, размахивая оружием и пытаясь проворачивать простенькие финты.

Фокадан поморщился, столь похабной профанации благородного ножевого боя ни разу ещё не встречал. Шаг навстречу, боковой в челюсть, отчётливый хруст и обмякший мужичок падает в грязь, роняя нож.

– Пьера?! – раздался какой-то бабий визг откуда-то из глубины помещения, – бей его, братцы!

Вслед за визгом вылетел его тщедушный обладатель, с занесённой над косматой головой табуреткой. Легко уклонившись от медленного удара, Алекс пнул его в колено и уже на полу добил ударом ноги в голову.

Столь быстрая расправа над двумя задирами охладила пыл остальных. Благо, их и было-то всего несколько человек – из тех, кто сохранил способность передвигаться.

Хмыкнув пренебрежительно, мужчина вышел на улицу, воздух которой, ещё недавно наполненный ароматами фекалий, показался ему свежайшим. Чувство это быстро прошло, но дышать и правда стало легче – по сравнению с кабаком-то.

– Не понравился гаргот? – Не скрывая улыбки, спросил одетый как рабочий пожилой мужчина с мозолистыми руками.

– Алекс, – поддавшись порыву, протянул руку работяге.

– Хм... Эдмон, – несколько удивлённо ответил работяга, пожав руку.

– Проведёшь экскурсию? Денег немного, но в кабачке посидеть хватит.

– А тебе зачем? Ты разве не из... этих? – Парижанин сделал хитрый жест рукой, обозначающий членов преступного мира.

– Х-ха! Крови на мне немало, но уголовщины как раз нет. Если по совести, а не по закону. Сам знаешь, как оно бывает.

Эдмон понимающе хмыкнул, попаданец сейчас едва ли не открытым текстом признал себя браво. Специализация данного сословия чрезвычайно широка. По сути городской наёмник, не слишком отягощённый моралью, но придерживающийся некоего нравственного кодекса – весьма условного и плавающего от случая к случаю.

– Издалека? – Спросил парижанин, не говоря да или нет.

– Не местный, – подтвердил Алекс, с хрустом крутанув шеей, – просто город узнать хочу. Работать не планирую, но возможно посредничество. Походить нужно, приняться. Новый город, новые люди... интересно.

Эдмон прикрыл глаза, придумав для себя легенду попаданца. Не отвечая, достал трубку и раскурил.

– Почему бы и нет, – сказал он наконец, – если не для работы, а интересно... урождённый парижанин с удовольствием покажет город.

Для начала Эдмон провёл Алекса по рабочему кварталу, показав его нужным людям.

– Чтобы не лезли лишний раз, – пояснил он, – от грабителей не спасёт, но задиры и уголовная шушера лезть поостерегутся.

Некоторые детали поведения и манеры держаться уверили Фокадана, что его чичероне<sup>54</sup> не так-то прост. Не уголовник, но в больших городах многие рабочие в юности состоят в каких-то бандах, да и позже подрабатывают по уголовной и около уголовной специальности.

Такие редко грабят припозднившихся прохожих или вскрывают дома, зато сделать отмычки или укрыть беглеца – запросто. Особым авторитетом в уголовном мире не пользуются, но имеют ряд неписаных прав, соблюдающихся достаточно строго. Среди таких уголов-

---

<sup>54</sup> Проводник, экскурсовод.

ных работяг имеется своя градация авторитетов, и при случае они могут осадить зарвавшихся бандитов.

– Поберегись! – Хриплый возглас откуда-то сверху.

Эдмон дёрнул Алекса за рукав и оттащил в сторону. Почти тут же из приоткрытого окна показалась старческая рука с горшком, и на улицу вылилось зловонное содержимое, орошая брызгами не столь расторопных прохожих.

– Карга старая, чтоб тебе геморрой на старости лет привалил! – Красочно выругался молоденький рабочий, вытирая брызги с парусиновой куртки и рябого лица, – ведьма чумная!

– Каплун<sup>55</sup>! – охотно отозвалась виновница происшествия, перегнувшись через окошко и показывая старушечье лицо с бульдожьими щеками, обрамлёнными засаленным донельзя капором<sup>56</sup>. – яйца отрасти, щенок мелкий!

Старуха лаялась самозабвенно, явно наслаждаясь моментом. Парнишка быстро завёлся, но через минут сплюнул и поспешно ретировался, одарив поганую старушонку заковыристыми проклятиями напоследок.

Прохожие отнёслись к инциденту, как к чему-то совершенно естественному. Чуть-чуть неприятному, но естественному и скорее забавному.

Пару дней Алекс потратил на прогулки с Эдмоном по рабочим кварталам. Экскурсии интересные, но сильно мешала привычка оценивать всё с военной точки зрения. Где следует поставить Гатлинг<sup>57</sup>, где посадить стрелков, сколько взрывчатки нужно на разрушение несущей стены.

Попаданец толком не понимал, зачем его понесло в рабочие районы. Турпоход почти сразу превратился в нечто большее. Дело даже не в привычке военного инженера, Алекс пытался оценить людей, настроения и обстановку в целом. Так, будто завтра ему придётся сколачивать боевой отряд из здешних пролетариев.

Дошло на второй день, когда из подсознания всплыла Парижская коммуна<sup>58</sup>, которая ТАМ случилась в 1871 году. Здесь же... не факт, что случится что-то подобное – Пруссию загодя окоротили, так что Франко-Прусской войны может и не быть. Тем более, с такими печальными для Франции последствиями<sup>59</sup>.

Социальное недовольство горожан очень высоко. Наполеона Третьего сложно назвать образцом благоразумного монарха, племянник<sup>60</sup> старательно вляпывается во все возможные авантюры, подчас болезненно отзывающиеся для страны. Да и социальный строй в целом нравится далеко не всем.

– Мне-то это зачем? – Пробормотал попаданец, осознав выверты подсознания. Оно настаивало на своём, и Алекс решил продолжить турпоход. Просто потому что.

– Есть возможность пройти по настоящим трущобам, не влипая в истории?

– Я-то думал, когда решишься, – хмыкнул Эдмон, раскуривая трубку, – есть такая возможность, есть. Но недешёвая, надо будет людям проставиться потом в трактире.

Парижские трущобы оказались по-настоящему страшным местом.

– Какие-то катакомбы, только что на поверхности, – только и смог выдавить попаданец, увидев их с холма.

---

<sup>55</sup> Специально откормленный кастрированный петух.

<sup>56</sup> Женский головной убор, вышедший из моды почти за четверть века до описываемых событий.

<sup>57</sup> Прообраз пулемёта.

<sup>58</sup> В 1871 году, после заключения перемирия с Пруссией, недовольные парижане, не без оснований считая правительство продажным, подняли восстание, во главе которого стояли социалисты, анархисты и неоякобинцы.

<sup>59</sup> По итогам Франко-Прусской войны, Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, ряд других земель. Помимо этого, проигравшая сторона обязалась выплатить колоссальные репарации победителям.

<sup>60</sup> Наполеон Третий был племянником Наполеона Бонапарты.

– Катакомбы и есть, – мрачно отозвался Эдмон, глядя в пустоту помертвелыми глазами и явно вспоминая что-то очень личное, – там и под землёй живут. Точнее даже – в основном под землёй и живут.

Вблизи трущобы оказались ещё страшней, куда там лондонским! Скособоченные, по большей части глинобитные дома, домики, сарайчики и постройки громоздились беспорядочной кучей. Какого-то намёка на улицы нет и в помине. Хаос!

Там – щель в заборе, здесь – пройти можно прямо через кухню дядюшки Жоржа, тут вместе с троицей охранников нужно нырять в самый настоящий подземный ход.

Эдмон не преувеличил, именно под землёй и живут по большей части местные аборигены. Проходя по узким подземным ходам, с торчащими кое-где подпорками, попаданец постоянно видел какие-то отнорки. В некоторых горят тусклые огоньки и виднеются человеческие силуэты, занимающиеся повседневными делами. И дети!

Когда увидел первого из них, выглядывающего из какой-то крысиной щели, напугался страшно. Выходец из двадцать первого века даже представить не мог, что дети могут жить в таких условиях. Пусть насмотрелся уже в Лондоне и Нью-Йорке, но до сих пор такие тягостные картины царапали сердце.

Лужи под ногами, где дождевые и сточные воды смешались с мочой и помоями. Тяжёлый спёртый воздух, от которого покрываешься холодной испариной. Лица людей, провожающие их с безразличием или ненавистью в глазах. Беременные девочки-подростки с бутылкой абсента в руках, пьяные с утра.

– Вот так и живём, – с горечью сказал чичероне, покидая трущобы, – по меньшей мере сто тысяч человек вот так.

## Глава 6

Вернувшись в Берлин, Алекс распаковал багаж и в голос расхохотался: отложенная на развлечения в Париже тысяча франков осталось нетронутой. Вместо ресторанов, кабаре и вылазок в Булонский лес, лазил по парижским трущобам. О таком лучше не рассказывать, засмеют! Это надо же, посетить столицу Франции и не побывать ни в одном из знаковых мест!

– Как там Париж? – С интересом спросила фрау Шпек за ужином, когда за большим столом собрались все постояльцы.

– Двойственно, – честно ответил попаданец, прожевав колбаску, – роскошь, конечно же, впечатляет – недаром европейская столица развлечений с претензией на столицу вообще. Но и нищета по контрасту впечатляет не меньше.

– Бывал я там в юности, – хорошо поставленным командным басом сказал фон Бок, пожилой юнкер, растративший всё состояние неудачными вложениями и кутежами. Ныне он жил только на остатки ренты и скромную пенсию бывшего военного.

Продолжать фон Бок не стал, флегматично жуя баранью котлету, так что после короткого перерыва снова начались разговоры. По вполне понятным причинам, вертелись они вокруг Франции и Парижа.

– Вы как к французам относитесь, мой юный друг, если не секрет? – Задал провокационный вопрос пожилой толстяк Максимилиан Шварц, торговый представитель угольной компании. Попаданец в пансионе – единственный настоящий иностранец. Всех выходцев из немецких земель, куда пруссаки включали и чехов с венграми, здесь высокомерно считают подданными Пруссии.

Страна претендует на роль центра Немецкого Мира, и недавняя неудача в войне, с фактически отобранной победой, эти амбиции не затушила. Тот факт, что венгры грезят Мадьярщиной и претендуют на все земли, на которые хоть раз ступали копыт их коней, пусть даже во времена монголов, пруссаков не смущает. Не смущает и то, что многие немецкие земли не спешат падать в братские объятия, лелея независимость.

– Я к ним не отношусь, – отшутился Фокадан, сделав глоток сельтерской<sup>61</sup>. Судя по смешкам, удачно.

– А если серьёзно? – Не унимался Шварц, наклонившись вперёд и зачем-то вытягивая шею.

– Хорошо, – Алекс подобрался и отложил столовые приборы, обедя присутствующих холодным взглядом, – если серьёзно, то мне абсолютно безразличен конфликт Пруссии и Франции. Кто из вас правее, а кто левее, всё равно. Начнись сейчас война, я просто уеду продолжать образование где-то в другом месте. Что касается национальных предпочтений, то среди близких друзей у меня как французы, так и немцы, в том числе и пруссаки.

– Хоть честно, – выдавил Шварц, отстав наконец. Дальнейший ужин проходил в неловком молчании, прерываясь лишь короткими репликами о достоинствах того или иного блюда, да просьбами передать приправы.

Шварц со своей назойливостью и вопросами о политике за столом, пересёк некую черту в правилах хорошего тона. Но и попаданец ответил жёстко. В этом времени просто не принято вот, в лоб. Фразы о друзьях-французах и друзьях-пруссаках было бы предостаточно, а правила хорошего тона едва ли не обязывали Алекса добавить затем что-то комплиментарное немцам вообще и закруглить разговор сожалением о военном конфликте.

Хамоватый Шварц не первый раз устраивал такие провокационные разговоры. Не сдержался.

---

<sup>61</sup> Она же «зельтерская». Разновидность минералки.

\* \* \*

– Брат-студент! – Весело окликнул его Адольф на выходе из университета, где Алекс осведомлялся о расписании нужных лекций, – давно тебя не видел!

– Дела.

– В Париже? – С хитрой улыбкой спросил фон Нарбэ, опершись на тросточку.

– В Париже, – кивнул Фокадан, отзеркаливая позу и ничуть не удивляясь вопросу. Студенческая среда достаточно разветвлена, а он не скрывал, что собирается во Францию, – имущественные дела. На развлечения времени почти и не осталось.

– Как тебе Париж?

Попаданец вздохнул еле заметно, все мало-мальски знакомые люди спешили задать один и тот же вопрос. По человечески это понятно, но до чего же надоело...

– Не очень, – честно ответил Фокадан, поглядывая на срывающийся из тучи дождь, – каких-то преимуществ перед Берлином не заметил. Больше борделей разве что, да тому подобных заведений для прожигателей жизни, но и нищеты больше. Приехать на пару недель покутить можно, но вот жить там не хотелось бы.

Адольф кивнул удовлетворённо, что-то подобное он и ожидал услышать. Откровенно говоря, попаданца и Берлин не слишком-то впечатлил. Красивый город, этого не оспорить, но вот атмосфера какая-то чересчур военизировано-полицейская.

Страсть пруссаков к мундирам – притча во языцех<sup>62</sup> у всего мира. Не только полицейские или военные, но и почтальоны, учителя школ и гимназий, чиновники, служащие частных контор. Доходит до того, что какие-нибудь филателисты<sup>63</sup> или члены шахматного кружка порой шьют себе клубные мундиры, сочиняют гимн и регулярно маршируют по улицам города к полному восторгу зевак.

– Брат-студент, а не пойти ли нам в пивную? – Бурш залихватски подкрутил усики, подмигивая Алексу и показывая на небо, с которого начали падать тяжёлые капли, – пересидим непогоду.

Пивная проверенная, с перекормленными валькириями. Несмотря на дневное время, народу многовато, и почти все знакомы с Нарбэ. Пока со всеми поздоровались, минут десять ушло.

– Не злись, брат-студент, – почти искренне попросил Адольф, когда они наконец-то уселись за столик, – я и сам не рад иногда такой вот известности.

Кивок в ответ.

– Ну вот и славно.

Воздав должное пиву и закусив традиционными сосисками, понемногу разговорились.

– ... как ты относишься к студенческим братствам?

– Равнодушно-положительно, – после короткого раздумья отозвался попаданец, – достаточно интересно, но я иностранец.

– У нас всякие есть! – Нарбэ аж подскочил возмущённо, – Павелек вон из Богемии, Ласло... всякие ребята есть.

– Они должны быть больше немцами, чем сами немцы, особенно сейчас, – хмыкнул Алекс, не скрывая скептического отношения.

– Да, время сейчас не простое, – нехотя согласился собеседник, медленно усаживаясь, – Самого эта волна национализма не радует. Слишком она мутная. Не то чтобы я против национализма вообще, но попробовал взглянуть на это со стороны, и страшно стало. Националь-

---

<sup>62</sup> Притча (короткий рассказ) во языцех (в народах, племенах). То, что широко обсуждается.

<sup>63</sup> Собиратели марок и прочих знаков почтовой оплаты.



ный патриотизм оседлали люди, преследующие прежде всего свои личные интересы. Иногда – интересы нанимателей, и знаешь что?

– Ниточки тянутся на Остров, – нарочито равнодушно ответил Фокадан, прожевав кусочек сосиски, – это ни для кого не секрет.

– Англичане к войне подталкивают, – кивнул Адольф, сжав побелевшие губы, – к гадалке не ходи. Пехота им нужна. А вот нам воевать с Францией и Россией сейчас нельзя. Да, обидно... ты даже не представляешь, какое оскорбление нанесли Пруссии эти державы, отняв у нас Победу! Но воевать? Не справимся, даже с поддержкой Англии.

– Я бы даже сказал – особенно с поддержкой, – ядовито дополнил Алекс, прервав на секунду рассматривание игры пузырьков в кружке, и остро взглянув буршу в глаза.

– Верно, брат-студент. Верно! Разменяют нас лаймы<sup>64</sup> в итоге, как это не раз бывало. А вот если подождать, сделать вид, что мы смирились с участью вечно быть на вторых ролях...

Лицо Нарбэ стало страшным, исказившись на долю мгновения.

– Да ты из идейных, – с холодеющим сердцем подумал Фокадан, – придёт время... если оно придёт, конечно... И такие как ты, будут уничтожать не просто вражеских солдат, а вражеские народы.

Адольф быстро стал тем же добродушным парнем, или скорее – натянул маску. Попаданец не показал виду, что заметил срыв.

– Всё же имя кое-что значит, – подумал, ёжась от мурашек, пробежавших по мгновенно вспотевшей спине.

– Понимаю твою отстранённость, – продолжил бурш, будто и не было сейчас ничего за рамками нормы, – но ты всё-таки плохо знаешь братства. Таких как ты...

Адольф многозначительно показал на голову Алекса, и попаданец не сразу понял, что палец нацелен на еле заметный шрам от револьверной пули.

– ...немного иначе встречают. Военных, пусть даже это военные других стран, за фуксов никто не держит. В выходные небольшой праздник устраиваем, подходи и не думай ни о чём плохом, не один такой будешь.

– Можно, – только и сказал Алекс, – со стуком поставив кружку на стол. – Пива всем!

Пивная отозвалась одобрительным гулом, пожеланьями здоровья и всех благ.

– Веришь ли, – пожаловался негромко попаданец Нарбэ, – в Париже за всё время даже погулять некогда было! Деньги на это откладывал, да так назад и привёз.

Бурш расхохотался до слёз, стуча кулаком по столу.

– Брат-студент, я унесу эту тайну в могилу! Быть в Париже и не погулять... Ха-ха-ха!

В пансион Фокадан пришёл поздно вечером, благоухая пивом, колбасками и табаком. Но что характерно, пришёл на своих двоих.

\* \* \*

Проснулся Алекс от разговора в коридоре, ведущегося на повышенных тонах.

– Бедный мальчик вчера из-за вас напился! – выговаривала владелица пансиона громким шёпотом, – вы же старше, зачем его на такие разговоры провоцировать?

– Я-то тут причём? – Возражал Шварц, – молодой человек достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои слова.

– Взрослый-то он взрослый, но о юношеском максимализме не забывайте! Вы его не первый раз так подначиваете, вот и наговорил грубостей в ответ. А после самому неловко стало, вот и пошёл в трактир.

– Будет какой-то иностранец...

---

<sup>64</sup> Лимонники. Жаргонное прозвище англичан.

– Именно! Иностранец! Не смотрите, что на немецком говорит неплохо, по сути чужак. Думает-то на другом языке. Он, возможно, даже обидеть никого не хотел, просто слова подобрать правильно не смог – язык-то не родной. А вы? Взрослый человек, а подначиваете молодого, да ещё иностранца. Это какое мнение у него будет о Пруссии?

Голоса начали удаляться от двери, и Алекс встал со стоном, поспешив опорожнить мочевой пузырь в вытащенный из-под кровати ночной горшок.

– Ну и рожа, – отшатнулся он от зеркала, – это ж надо вчера... Сколько я выпил, даже интересно. Ещё интересней, как дошёл после такой дозы, да ещё помню ведь всё.

Голова отказывалась подсчитывать количество выпитого пива, потому как цифры получались вовсе уж завиральные. Плюнув на подсчёты, умылся и оделся, решив сегодня не бриться. С подрагивающими руками опухшей физиономией с десятков порезов гарантированы.

Часы показывали, что ещё успевают на завтрак.

– Доброе утро, господа, – поприветствовал собравшихся в столовой постояльцев и хозяйку, – прошу извинить меня за вчерашний инцидент. Я не настолько хорошо знаю немецкий и несколько неверно построил фразы.

– И вы меня извините, герр Смит, – повинился Шварц под торжествующим взглядом хозяйки пансиона, – характер у меня такой несносный. Сам порой не рад – скажу что-нибудь, а потом стыдно.

\* \* \*

За время отсутствия накопилась почта, время на которую отыскал только сейчас. Писать в девятнадцатом веке любят и умеют, эпистолярный жанр<sup>65</sup> не случайно так популярен. Пишут помногу, два десятка листов в письме не редкость.

А как иначе? Телефонов нет, транспортное сообщение развито не слишком-то хорошо. Родственники, друзья, бывшие однокашники и сослуживцы – не хочешь потерять с ними связь, так переписывайся.

Описать какие-то события, произошедшие в семье, личные переживания, интересные происшествия или важные новости, касающиеся твоего города. Хотя бы краешком коснуться шапочных знакомых, могущих заинтересовать адресата. Тетради порой исписывают!

Попаданец достаточно быстро привык к подобной манере. Всё-таки драматург, не абы кто. Фред, тесть, капитаны ИРА, ле Труа, Борегар... это только те, кому писал не реже раза в месяц. А ведь есть ещё и многочисленные приятели по ИРА и нью-йоркские знакомцы, с которыми не хотелось бы терять связь, переписка по поводу документов Гражданской.

Общепринятая манера эпистолярного жанра, с многочисленными отступлениями и мельчайшими деталями Фокадану претила. В конце-то концов, он учиться приехал, а не перепиской заниматься!

Поневоле научился писать кратко и очень ёмко, но достаточно образно. Но даже так два-три часа в неделю уходит на письма.

Немало! Особенно если учесть, что по-прежнему пишет пьесы, пусть пока в стол, занимается архивами и учится. Благо, университеты этого времени не знают таких вещей, как рефераты и промежуточные экзамены<sup>66</sup>.

---

<sup>65</sup> Жанр литературного произведения, который характеризуется тем, что повествование преподносится читателю в форме переписки.

<sup>66</sup> Немецкая модель университетов давала студентам максимальную академическую свободу, опираясь на семинары, лаборатории и самосознание студентов. Была ещё и французская модель, с жёстким контролем всего и вся.

Считаешь себя готовым специалистом? Иди экзамен сдавай. Да и то, диплом государственного образца по большому счёту нужен только тем, кто работает на государство.

Своеобразно, но работает. Кто хочет заниматься наукой или получить серьёзную специальность, может идти к цели, игнорируя второстепенные предметы. Кто приходит ради Братств, всё равно учиться приходится, откровенных неучей и лоботрясов презирают. Могут терпеть, если те усиленно трясут мошной, но уважения неучам не видать.

В сторонку письмо Фреда, его последним. О! Леблан написал?

Алекс насторожился, подозревая неприятности с патентами, и быстро разрезал конверт.

«— Я посчитал, что это может быть вам интересным», и статья из французской газеты со статьёй Карла Маркса, дискутировавшего с последователями Прудона<sup>67</sup>. Были в конверте и статьи прудонистов.

Интересно, но во многом наивно и даже глупо. Попаданец сам не заметил, как начал составлять тезисы, споря как с Марксом, так и с последователями Прудона.

Поймав себя на этом, засмеялся нервно, и отложил было письмо. Почти тут же протянул руку к статьям и ещё раз внимательно пересмотрел их, покусывая губы.

— Ведь нарываюсь же, — пробормотал Алекс, но всё-таки сел писать тезисы. Великим мыслителем себя не считал, но послезнание даёт о себе знать.

Если основоположникам социализма напишет человек, который знает, что такое социалистическая система... Пусть не сам, а из рассказов матери и её подруг. Из учебников истории и статей в интернете. От свидетелей.

Два часа спустя решительно запечатал конверт, где изложены такие понятия, как Народная собственность и Плановая экономика.

Попаданец подозревал, что от такого письма правоверный коммунист схватился бы за голову, но В споре рождается истина. В конце концов, социалистическая система была... будет вполне рабочей, пусть и не без огрехов.

Может быть, классики с помощью его письма придумают что-то более интересное. Или чуть раньше, или... Неважно, лишь бы история стала чуть лучше, чуть менее кровавой.

— Будущее будет светлым, или его не будет вовсе, — сказал он вслух и сам напугался: фраза прозвучала предсказанием.

---

<sup>67</sup> Первый человек, назвавший себя анархистом. Марксистскими критиками рассматривался как мелкобуржуазный социалист.

## Глава 7

Четырёхэтажное каменное здание, бывшее в девичестве мельницей, а после – ткацкой фабрикой, ныне простаивало без дела. Возвышаясь на высоком холме, в окружении нескольких величественных деревьев, поросших от старости и сырости мхом, смотрелось оно восхитительно, прямо-таки напрашиваясь на гравюры.

– Дёшево сняли, – похвалился фон Нарбэ, вальяжно опираясь на трость, чуть провалившуюся в сырую от недавнего дождя землю, пахнущую прелой листвой и увядшими травами.

– А главное, ломать тут нечего, – негромко добавил попаданец, копируя позу.

– Понимаешь буршей, брат-студент! – хохотнул Адольф, – Не без этого!

Студенческий старейшина, стоя на холме в окружении таких же старейшин и уважаемых гостей, с гордостью окинул взглядом место праздника.

– Внушает, а? – Один из буршей обратился к Алексу, показывая на собирающуюся молодёжь, – столько народа!

Фокадан вежливо покивал, включив артиста, но на деле зрелище не впечатляло. Порядка трёхсот человек, и будет ещё около ста. На сельских дискотеках народа больше!

Хотя... только сейчас попаданец в должной мере осознал, что значит университетское образование в девятнадцатом веке. В двадцатом первом веке большая часть молодёжи могла похвастаться дипломами о высшем образовании.

Здесь и сейчас вряд ли даже в германских землях, сделавших ставку на образование<sup>68</sup>, наберётся хоть один процент людей, учившихся в университете.

Будущие чиновники среднего и высшего класса. Врачи, коих пока исчезающе мало, и чьи услуги могут позволить себе очень немногие. Инженеры. Учёные. Политические деятели. Чиновники не самого низкого ранга.

С этой точки зрения, происходящее выглядит несколько иначе. Не всего четырёста человек, а целых четырёста человек. По большей части дети состоятельных помещиков, торговцев, промышленников. Есть и дети бедняков, но только те, кто показал высочайший интеллект и неукротимую тягу к знаниям.

Получается, что фон Нарбэ уже сейчас – фигура. Пусть это и не корпорация, а братство<sup>69</sup>, но всё равно – внушает.

Снова заморосил холодный осенний дождь, и компания поспешила к мельнице, оживлённо переговариваясь на ходу. Внутреннее убранство не поражало роскошью. Первый этаж подготовлен для танцев и поединков – свежая, вкусно пахнущая солома под ногами, много факелов и холодное оружие на стенах. Кое-где развешаны кирасы и шлемы, стоят несколько полных рыцарских доспехов.

Древность антиквариата, разумеется, крайне сомнительная – такие вот доспехи штампуют промышленным способом. Желаящих придать атмосферности жилищу и подтвердить древность рода предостаточно. Купить настоящий рыцарский доспех фабричного производства, или оружие, заботливо обработанное под старинное, вплоть до выщерблин и сколов, можно даже через каталоги.

– Имитация рыцарского замка периода славных времён?

---

<sup>68</sup> Влёт экономики Пруссии в конце девятнадцатого века был обусловлен в том числе и доступностью образования. Школьное, специальное и университетское образование было доступным. Помимо того, Пруссия всячески поддерживала издательское дело, отчего в продаже имело огромное количество самых разнообразных и что немаловажно – дешёвых книг.

<sup>69</sup> Студенческие объединения Германии тех времён можно разделить на корпорации (аристократические и очень недешёвые), братства (построенные вокруг какой-то идеологии и предназначенные в основном для выходцев из среднего класса) и землячества.

– В точку, брат-студент! Мы, бурши, можем считать себя правопреемниками старинных рыцарских орденов Европы.

От диалога с Алексом он быстро перешёл к речи, предназначенной студентам. Былые времена, слава, рыцарские традиции, обычаи прошлого... Нарбэ говорил громко, постепенно повышая голос и накал речи, чувствовалось ораторское мастерство, отточенное хорошими педагогами и многочисленными выступлениями на публике.

– Хайль бурши! – Отозвались студенты.

– Хайль! Хайль! Хайль!

Попаданцу пришлось напоминать себе, что хайль это всего лишь благие пожелания<sup>70</sup>, но опять по спине прошёл озноб.

– Атмосферно, – выдал своё мнение Алекс, оглядевшись как следует, – кто бы ни отвечал за оформление мельницы, но он большой молодец.

– Спасибо, – улыбнулся бурш из свиты Нарбэ, с физиономией, покрытой устрашающими шрамами, – Гейнц Лютов, будущий архитектор и художник.

Видимо, что-то такое мелькнуло в глазах Фокадана, потому как Гейнц звонко расхохотался.

– Не ты первый на мои шрамы пялишься, – веселился Лютов, – все почему-то думают, что я забияка, как только на рожу посмотрят!

– А на деле, – брат-студент, – наклонился фон Нарбэ, вещая театральным шёпотом<sup>71</sup>, – он просто не умеет фехтовать!

Компания расхохоталась – по-видимому, за этим скрывалась какая-то неведомая попаданцу история. Улыбнулся и Алекс, это в самом деле забавно.

Наконец собрались все, столпившись на первом этаже. Фон Нарбэ вылез на возвышение, бывшее некогда постаментом для какого-то механизма, и встал. Рядом встали ещё трое старейшин, занимавшихся, по всей видимости, устройством праздника. Говор быстро замолк.

– Братья мои! – Начал Адольф, – сегодня славный день. Славный, потому члены студенческих братств собрались вместе, под одной крышей! Собрались, как некогда собирались члены немецких рыцарских орденов. Мы их преемники!

– Хайль! Хайль! Хайль! – Отозвалась толпа, салютуя кинжалами.

– Мы продолжатели славных традиций наших предков, завоевавших некогда жизненное пространство для своих детей! Прошло немало времени, и нам, германцам, снова стало тесно в нынешних границах!

– Но мы – германцы, и мы никогда не сдаёмся! – Экзальтированно выкрикнул один из старейшин, стоящий рядом с Нарбэ, – мы всегда идём вперёд, что бы ни случилось! Сейчас мы потерпели поражение... Временное! Настанет час, и вы! Именно вы поведёте полки, расширяя наше жизненно пространство!

– Хайль! – Толпа ревела, глаза горели восторгом и бешенством.

– Куда пойдут эти полки, – умело подхватил Адольф, – не так уж и важно! Польша, Эльзас и Лотарингия, Балканы... Всё это земли, предназначенные Богом немцам! Мы раса господ!

Нарбэ умолк, перестав кричать и обводя зал тяжёлым взглядом. Толпа затихла, ловя каждое движение своего лидера.

– Запомните и передайте своим детям, – негромко заговорил он, веско роняя слова в полной тишине, – миром должен править германец. Для этого можно вступать в союзы хоть с дьяволом. предавать вчерашних союзников и заключать союз с былыми врагами. Главное – идти вперёд, шаг за шагом к нашей цели – господству Германии над миром. Хайль!

– Хайль! – Отозвалась толпа неистово.

---

<sup>70</sup> Сложно перевести это слово как-то однозначно. Его можно трактовать как «слава», «спасение» или даже «благодать».

<sup>71</sup> Слова, произносимые шёпотом, но так, что их слышно издали.

– Хайль!

– Реваншисты, – билась мысль в голове попаданца, стоявшего статуей, – как тогда, после Версаля<sup>72</sup>. Отобрали победу, запретили дальнейшее объединение. Теперь нужно идти дальше и уничтожить Пруссию как промышленное государство, как военную силу, как центр объединения германских земель. Иначе – война с людьми, готовыми перегрызть горло обидчикам. Пусть не сейчас, пусть через несколько десятков лет, но она будет непременно. Люди с таким настроением пойдут на что угодно. Пруссия должна быть уничтожена!

После произносили ещё речи, но постепенно градус их понижался, они становились всё менее политизированными. Наконец, бурши и приглашённые гости поднялись на второй этаж и усадились за столами. Столы и скамьи сколочены из досок так, что их легко разобрать.

Убранство, еда и напитки самого средневекового образца – колбасы, караваи хлеба, пироги, целиком зажаренные поросята. Пиво и вино в бочонках, никаких стеклянных бутылей и в помине нет. Даже кружки – не стеклянные, а глиняные и деревянные, атмосферные.

Фокадану, как одному из почётных гостей, досталось место за столом с Нарбэ и другими старейшинами, на небольшом возвышении.

– Ну как? – Поинтересовался Адольф у попаданца, едва усевшись за стол.

– Сильно.

Бурш кивнул довольно, вытирая пот платком и жадно отхлебнув пиво из большого кубка. Алекс в очередной раз поразился – до чего же люди бывают слепы!

Неужели Адольф искренне считает, что остальные должны разделять его чувства и идеологию? Понятно, что Смит имеет англосаксонское происхождение, а тот факт, что англы и саксы – суть германские племена<sup>73</sup>, никогда не считался секретом.

Но даже если Смит и правда англосакс-германец из Северной Америки... То с чего Нарбэ решил, что он будет поддерживать именно немцев?!

Какая-то вывернутая логика, частично построенная на неверных допущениях и идеологии. Или может, бурш объяснится позже, без лишних ушей?

Пирушка быстро набирала обороты, ели и пили все, как в последний раз.

– Девочки приехали! – Влетел на второй этаж какой-то молоденький студент, выпучив восторженно белесые глаза.

– Бордель фрау Жужу сегодня наш! – Встал третий старейшина, не произносивший речей, – за мой счёт!

Восторженный гул едва не оглушил попаданца, который понял, что номера на верхних этажах предназначены не для перепивших студиязов.

Девочки, в основном пышнотелые и не слишком-то интересные особы, поднимались наверх, отчаянно кокетничая и вертя подолами. Их сопровождал восторженный гул и запах мускуса, несвежего белья и нечистого тела.

– Ради таких моментов я и стал студентом! – Восторженно выкрикнул молоденький прыщеватый парнишка, явно вчерашний фукс. Его слова пришлись присутствующим по душе, парни одобрительно захохотали и начали орать всякие скабрёзности порнографического характера.

– Хочешь? – Показал глазами Нарбэ, – ты гость, можешь первым.

– У меня своя белошвейка есть.

---

<sup>72</sup> Капитуляцию страны Антанты и Германия подписывали в Версале. Версальский мир полностью разорил Германию, ввергнув её в жесточайший кризис почти на полтора десятилетия. Кроме того, Версальский мир можно назвать образцом несправедливости и национального унижения.

<sup>73</sup> Англосаксы могут претендовать на «звание» германцев (наравне со шведами, датчанами, норвежцами, голландцами, валлонами и фламандцами), а вот сами немцы по большей части имеют весьма опосредованное отношение к германским племенам. По «официальной» версии немцы происходят из германских племён, но генетика говорит, что по большей части это потомки онемеченных славян и кельтов. До германской крови (родственной славянской) у большинства из них достаточно невелика.

– Молодец! – Хохотнул Адольф, хлопая его по плечу, Понимаешь! У меня вот горничная белошвейкой работает.

Самые нетерпеливые поднялись вслед за девочками, но основная масса осталась пировать, причём пили по команде, а не кто когда хочет. Впрочем, к гостям это не относилось.

Алекс, как обычно, съел очень немного, сидя с единственной кружкой пива.

– Скучаешь? – Поинтересовался зычно Бюлов – тот самый старейшина, выкупивший на вечер девочек из борделя.

– Ничуть. Просто когда я такое увижу? Чувствую себя этнографом в индейском племени.

Бюлов расхохотался, как и остальные – шутку признали удачной, бурши бравовали варварскими чертами. В итоге старейшина взял на себя роль комментатора, поясняя непонятные моменты. Алекс едко, моментами даже зло комментировал, откровенно нарываясь, но соседи в восторге.

– Ну молодец! – Рыдал от смеха Бюлов, глядя на Фокадана влюбленными глазами, – как ты нас!

– Дуэль, дуэль! – Внезапно заорали бурши за соседним столом. Почти тут же гомонящая толпа в полном составе (за исключением тех, кто проводит время у девочек) потянулась вниз.

Через считанные минуты дуэлянтов облачили в страннынаты наряды, о которых попаданец только слышал. Плотный кожаный фартук, защищающий грудь и живот, громадный шарф на шее, металлические очки с сеточкой для глаз, и плотный рукав из кожи и плотной материи, набитый чем-то вроде ваты – почему-то только на правую руку.

Секунданты облачились в ещё более чудные наряды, одев толстые шапки с кожаной верхушкой.

Дуэлянты встали друг напротив друга, после чего секунданты очень точно вывели расстояние.

– Довольно близко, – машинально отметил Алекс.

– Смотри! – Шикнул Адольф, жадно затягиваясь папироской, не отрывая глаз от происходящего. Лицо студенческого лидера исказилось в каком-то болезненном предвкушении...

– Начали!

Бойцы принялись бешено вертеть клинками, у которых лишь остриё заточено. При этом они стояли неподвижно, двигались только кисти рук, поднятые на уровень головы.

Бешеный лязг клинков в течении нескольких секунд, и вот из рассечённой кожи головы одного из дуэлянтов щедро брызжет кровь, заливая лицо.

– Стоп!

Подскочили секунданты осмотреть рану.

– Дуэль окончена, победил Макс Белов!

В зале оказался и студент из медиков, который тут же зашил рану на лбу проигравшего – нарочито грубо, без какой-либо анестезии. Раненый при этом всячески демонстрировал стойкость, пытаясь шутить.

Огорчённым, что характерно, не выглядел. Такого рода дуэли проводятся по большей части для репутации и красивых шрамов, служащих подтверждением мужества их обладателей. Так что проигравших в таких вот поединках не бывает. Победитель получает славу хорошего бойца, а проигравший – почётную отметину храбрости.

Бурши восторженно обсуждали дуэль, красоту которой попаданец так и не понял. Понятно, что это проверка яиц на крепость, но где они видят здесь даже не красоту, а просто фехтование? На взгляд Алекса, победить в такой дуэли больше шансов имеет человек с крепкими запястьями, а не более искусный фехтовальщик.

– Находишь это скучным? – Задиристо поинтересовался пьяненький бурш. Фокадан, не желая вступать в перепалку, поискал взглядом старейшин, но толпа отёрла их куда-то далеко.

– Ну что, чукак?

– Нахожу, – равнодушно ответил Алекс, прикидывая – как бы перевести дуэль буршей в нормальную, если дойдёт крайностей. Пусть она и безопасная, но идиотизм происходящего раздражал бывшего военного.

– А сам ты... – начал было задира, уже собравший группу поддержки.

– Револьвер, – начал попаданец, показывая на шрам чуть выше виска.

– Картечь, – расстёгивая высокий воротник и чуть поворачиваясь, чтобы видна была шея.

– Сабля, – отметина в районе ключиц.

– Достаточно? – Чутьку раздражённо спросил он, – или мне раздеться? Отметин много.

– Прости, брат-студент, – повинулся задира, быстро поменяв настроение, как это свойственно пьяным, – тебе такая дуэль и правда может быть скучной. Мир?

Выпив мировую кружку пива и рассказав пару бак о войне без каких-либо личных подробностей, Алекс вернулся к своему столу.

Настроение странное... Бурши отчаянно ему понравились – отличные ребята, в большинстве своём очень неглупые, храбрые и отличные товарищи. И враги.



## Глава 8

Алекс отчаянно зевал, сидя на лекции. Время от времени он поглядывал в окно, где никак не прекращался затянувшийся дождь. Денёк вчера выдался слишком насыщенным, погода сегодня сонная, да и лектор такой же. Специалист хороший, спору нет, но боже, до чего монотонный гнусавый голос!

— ... из этого следует, — время от времени говорил почётный приват-доцент университета, после чего, стуча мелом, начинал выводить на доске новую формулу.

— ... таким образом мы получаем результат, и вращающий момент...

Попаданец поймал себя на мысли, что для него это слишком очевидно. Очередная неувязочка образования двадцать первого века и местных реалий. Некоторые области математики и физики мог бы и сам преподавать в университете... ладно, не преподавать, но знал не хуже преподавателей.

Зато тяжело шло черчение, которое у них в школе преподавали по сути факультативно, поставив для желающих вместо уроков технологии. Самые сложные схемы Алекс понимает на раз, но вот с начертанием уже хуже. Грязненько получается, опыта ведь нет, не ставили в детстве руку.

Не то чтобы критично, но подобные оплошности в инженерной среде считаются признаком непрофессионализма. И тяжело ведь идёт, зараза! Начал ещё в Нью-Йорке, но подвижек мало.

Для местных каллиграфия в детстве — один из основных предметов, да и рисованию детей из хороших семей учат практически в обязательном порядке. Другое дело, схемы у них получаются аккуратные и чистенькие, зато с пониманием оных проблемы. Не ковырялись они с детства в моторах, не пытались разобраться в схеме скачанного в интернете бумажного огнестрела<sup>74</sup>...

Всё так же зевая, добросовестно записывал лекцию. Наконец она закончилась и переговаривающиеся студенты стайками потянулись к выходу. Попаданец привычно не вставал, пережидая, пока схлынет поток.

— Алекс...

— Моё почтение, герр Смит.

Фокадан отвечал на приветствия — после празднования вместе со студенческим братством, он неожиданно оказался достаточно популярным человеком. Не звездой, разумеется, но человек, в котором заинтересован один из старейшин, не может быть одинарным. Плюс кто-то проговорился о ранениях, а в Пруссии к воякам относятся с большим уважением.

— Елон, — кивнул датчанину-старшекурснику, поджидающему на входе, — сразу ко мне?

В пансионе Алекс приготовил на спиртовке грог<sup>75</sup>, уже зная пристрастия репетитора. Пока датчанин блаженно жмурился, отхлёбывая из здоровенной кружки, леча начинающуюся простуду, а заодно и похмелье, пододвинул к стене чертёжную доску и разложил бумаги.

\* \* \*

Вывалить, уйти в пережат, щёлкая вхолостую курком по импровизированной мишени. Теперь в падении назад, выхватывание и стрельба с колена.

---

<sup>74</sup> Плохонькое огнестрельное оружие и правда можно сделать почти полностью из бумаги.

<sup>75</sup> Горячий алкогольный напиток, изначально ром, сильно разбавленный водой с сахаром. Позже так стали называть практически любые подогретые алкогольные напитки с добавками. Чаше — вино с пряностями.

Полчаса спустя, окончательно запыхавшись и пропотев, начал отжиматься, приседать, качать пресс. Без фанатизма, но сотню отжиманий и триста приседаний делает легко. Впрочем с его теловычитанием это не сложно. Мог бы и больше, но ориентируется на скорость и координацию, не увлекаясь чрезмерно физикой. Толку-то мясом обраться, если оно сгорает при любой болезни?

Подобная физкультура не ежедневная, но пару-тройку раз в неделю – в обязательном порядке. Достаточно, чтобы держать себя в приличной форме, а большего ему и не требуется. Вместе с фехтовальным манежем получается более чем прилично.

Завершив всё получасовым боем с тенью и героически её повергнув, попаданец разделся, обтёрся мокрым полотенцем и сменил пропотевшее бельё.

В последние недели ощутимо потряхивало, потому-то и налёт на спортивные упражнения сверх меры. С револьвером едва ли не каждый день скачет, к Майлзу по пять раз в неделю ходит.

Застоялся или чуйка работает? Алекс предпочитает думать, что застоялся, но паранойя в голос вопит о надвигающихся неприятностях. После Рождества начались странноватые вещи, по отдельности легко объясняемые случаем. Встреча одного и того же мутноватого типа в разных концах города за один день, и что характерно – в другой одежде.

Уверенность, что это один и тот же тип – железная. Случайно обратил внимание на слегка подпрыгивающую походку, из-за чего заметил и другие характерные детали. Слежка? Не исключено. Береговую охрану сложно назвать полицией, но пришлось освоить азы сыскной работы, пусть в его случае больше теория.

Обыск в комнате, что уверенно показали сторожки из ниток и волос. Это могла быть любопытная горничная, но как раз таки горничная в пансионе на редкость блеклая и равнодушная особа, существующая в полусне.

Есть и другие моменты, вовсе уж мелкие. Что, кто... вариантов в общем-то немного – либо спецслужбы Пруссии, либо Англии.

Если Пруссия, то ещё ничего – так, мелкие неприятности. К социалистам здесь относятся с большой опаской. В его случае скорее попросят на выход, он хоть и социалист с репутацией, но в немецких землях не засветился.

Хотя если вспомнить ответ Марксу через газету, и завязавшуюся дискуссию, к которой подключились десятки активистов, то ещё как засветился. Ругали и хвалили его по полной, до дуэлей дело дошло.

Так что не только на выход могут попросить, но и в тюрьме помуровать. Недолго, но пару-тройку месяцев для профилактики можно ожидать. Милые особенности полицейского государства.

А вот если Англия... ИРА ему не простят никогда. Не Враг номер один, но в первой десятке точно. Будь ИРА обычной террористической организацией, это ещё полбеда. Таких в Ирландии десятками можно считать. А вот то, что ИРА взялась ещё и за культурную программу, уже серьёзно. Национальное самосознание – лучшее топливо для революции, англы это понимают, как никто другой.

Нужно учесть ещё и успешность ИРА как организованной политической силы. Сразу в САСШ прогремели, потом в КША обустроились, а теперь вот Мексику осваивают. Причём после декретов Максимилиана о земле, ещё и привилегированным сословием могут стать. Этими йоменами<sup>76</sup> и джентри<sup>77</sup>.

---

<sup>76</sup> Английское сословие, которое можно определить парадоксальным термином «аристократическое крестьянство». Лично свободные крестьяне, владеющие (как правило, но обязательно) землёй, и имеющие ряд неотъемлемых прав.

<sup>77</sup> Английское мелкопоместное дворянство.

Для англичан это нож острый, вчерашние полурабы и недочеловеки, и вдруг успешны в других странах. Нельзя такое терпеть!

Хуже всего, если работают бритты совместно с пруссаками. Всё-таки есть разница, закрывают ли местные спецслужбы глаза на агентов иностранного государства, или те вынуждены хотя бы изображать работу под прикрытием.

Газетные статьи не дают возможности разобраться, что же там происходит между Пруссией и Англией. Понятно, что идёт торговля о пунктах будущего союза, но детали в газеты не попадали. Разглагольствования журналистов о происходящем бывали подчас интересными, но вот в достоверности выплеснутых на бумагу фактов попаданец сомневался.

При благоприятном раскладе именно в Пруссии он в полной безопасности, и агенты скорее демонстративно охраняют подопечного, давая англичанам понять, что страна имеет национальную гордость. А заодно и лишний повод для торговли.

Неблагоприятный расклад означает... да что угодно! Открытая охота на полковника Фокадана, одного из основателей ИРА. Это может быть как тихое убийство в подворотне, так и попытка опорочить ИРА, сыграв в особенно грязную игру.

– Начинаю понимать революционеров, – пробормотал попаданец нервно, – как ни крути, но всюду вилы. Покровитель нужен, да не абы кто, а спецслужбы сильного государства. Франция?

Алекс погрузился в раздумья, снова начав играть с револьвером, но уже без перекатов и падений. Судя по всему, он опять в Око бури попал.

Правильно выбрать покровителя сейчас важно, как никогда. Если Пруссия решила хотя бы на первых порах сохранить национальную гордость и как-то использовать авторитет Фокадана среди социалистов и ирландцев, он здесь в полной безопасности.

А если нет, нужно срочно валить во Францию, там защита от прусских и английских агентов гарантирована. Хотя и там совсем не мёд. Париж традиционно на грани бунта, и появление представителя ИРА добавит дровишек в огонь. Очень сложно будет остаться обычным студентом, не влезая в политику.

Впрочем, можно попытаться. Ле Труа неплохо справляется, наладив для мексиканского императора ирландскую гвардию, и нет никаких сомнений, что французские представители захотят наладить диалог с бывшим гражданином через ученика.

Другое дело, что на кого попадёшь. Встретится излишне рьяный куратор, так нехорошо может выйти. Да и без давления могут запутать, подвести к нужным моментам. Французская разведка ныне одна из лучших, мастеров психологической игры хватает.

Попаданец не страдал самоуничтожением, но прекрасно понимал, что его взлёт во многом результат случая. Мозги, характер, образование – всё есть. Но и случай присутствует.

Не та пока весовая категория, чтобы пытаться переиграть Мастеров. Тем паче, когда за спинами у них стоит государство.

– Россия, – произнёс попаданец, вслушиваясь в отзвуки чувств. Но нет, ничего не прозвучало. Ладно, прозвучало, но не настолько, чтобы лезть в насквозь реакционную страну, где к социалистам относятся как к чему-то предельно опасному. Пусть он из тех социалистов, что предпочитает эволюцию революции, но в Петербург обратится только в крайнем случае.

Встречал уже русских во время войны Севера и Юга, и как-то не проникся земляческими чувствами. Интересные, сильные, порядочные... глубоко чужие люди. Стыдно немного за столь вопиющее отсутствие патриотизма, но уж как есть.

Австрия? Плюсов немало, всё-таки серьёзное государство, тем более не так давно воевавшее с Пруссией. Австрийцы традиционно хороши в дипломатии, и сейчас их обхаживают как французы с русскими, так и англичане. Австро-Венгрия – мощнейший козырь, можно надеяться на защиту.

С другой стороны, Вена известна запредельным количеством шпионов и агентов<sup>78</sup>, а это ой... Сожрут.

Италию же и всяческие Баварии с Ганноверами и Саксониями<sup>79</sup> можно даже не рассматривать, они фактически не субъекты, а объекты политики<sup>80</sup>. Пытаются грозно выглядеть и играть в самостоятельность, но по большому счёту сами в это не верят.

Ситуация очень серьёзная, и решать с кондачка попаданец ничего не стал. Но и сидеть на жопе ровно не в его характере. Решение самое простое – максимально ограничить выходы куда-либо, помимо университета, фехтовального манежа и белошвейки. Никаких вечеринок, посиделок в пивных, ничего! Маршруты выстраивать с хронометрической точностью, до минуты.

Может, он и дуэт на воду, но самое время для провокаций. По крайней мере, сам бы так и работал. Провокацию может устроить не только английская разведка ради уничтожения репутации, но и прусская ради того, чтобы Фокадан охотней пошёл на сотрудничество. Классическая схема вербовки – сперва сделать плохо якобы чужими руками, а потом спасти.

По-хорошему следовало отменить и походы к белошвейке, но для молодого мужчины это слишком жёстко. Да и успокаивает, что немаловажно.

Две недели Алекс изображал ходячий метроном<sup>81</sup>, а потом сделал неожиданный ход.

– Пауль! – Окликнул он знакомого венгра после лекций, – есть желание в пивной посидеть?

– Спрашиваешь! – С воодушевлением отозвался бурш, предвкушая дармовую выпивку.

– Меня в компанию примете? – Заинтересовался Лео, пражский немец из семьи небогатых торговцев.

– Присоединяйся, посидим тихонечко.

Посидели и правда тихонечко, но цель выполнена – Алекс расспросил болтливого знакомого о Вене, где тот прожил несколько лет.

Через несколько дней в пивную приглашён уже другой студент – поляк, которого попаданец расспросил о реалиях Российской Империи.

– Ну если эти намёки не сработают, тогда я и не знаю, – громко сказал попаданец, выходя из пивной.

\* \* \*

– Герр Смит? – Встретил Алекса на выходе из манежа человек средних лет, с военной выправкой и парочкой университетских шрамов, прячущихся под густыми чёрными усами, – где вам удобно будет поговорить?

– Где? – Попаданец с сомнением покосился на неизвестного, паранойя была в голос. Напряг мышцы живота: на месте дерринджер, чувствуется, – где-нибудь поблизости.

Незнакомец, которого Фокадан достаточно уверенно опознал как офицера не самого младшего звена, с некоторым сомнением покосился на хмурое зимнее небо, с которого сегодня весь день срывался то снег, то мокрый дождь.

---

<sup>78</sup> В отличие от шпиона, агент может работать вполне легально. «Агент влияния», к примеру – когда человек не лезет в государственные секреты, но лоббирует интересы другой страны.

<sup>79</sup> Германия в то время ещё не стала единой, объединив германские земли вокруг Пруссии. Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер, Великое герцогство Баден (не считая откровенной мелочи) имели свои политические интересы и отнюдь не горели желанием объединиться. Более того, в Австро-пруско-итальянской войне 1866 года, произошедшей в реальной истории (и закончившейся безоговорочной победой Пруссии), эти государства воевали против Пруссии.

<sup>80</sup> Не самостоятельные, или не полностью самостоятельные государства.

<sup>81</sup> Прибор, отмечающий короткие промежутки времени равномерными ударами. В основном используется музыкантами как точный ориентир темпа при исполнении музыкального произведения.

– Немного банально, но из приличных мест поблизости только скверик да пивная. Скверик по такой погоде также не вдохновляет.

– В пивную, – кивнул Алекс, отдавая инициативу незнакомцу. Если это серьёзная организация, то группа поддержки будет сопровождать их в любом случае. Не так-то сложно парочкой жестов показать направление и место будущего разговора.

В разгар дня пивная полупуста, лишь несколько стариков цедают пиво, ведя неспешные разговоры над шахматной доской, окружённые клубами едкого табачного дыма. Заказав по кружке светлого, дождались немолодую разносчицу с пивом и закусками.

– Военная контрразведка Пруссии, капитан фон Уркхвард, – представился мужчина, показывая какой-то жетон.

Попаданец молча кивнул, глядя вслед разносчице.

– Мы оценили ваш демарш с расспросами студентов, герр Смит, красивая провокация. Хотим мы того или нет, а раскрыться после такого придётся, иначе вы покидаете Берлин.

Капитан отпил добрую половину кружки, помолчал немного и как бы нехотя сказал:

– Откровенно говоря, некоторые мои коллеги настроены несколько излишне решительно. Пока победило моё мнение, и идею с заключением под стражу на месяц-другой как подозрительного иностранца, решено отложить.

– Отложить? – Алекс постарался вложить всю неприязнь к столь незатейливому шантажу.

– Выбросить, – поправился офицер, – разумеется выбросить. Будем мы дружить с Британией или нет, вопрос отдельный. Но отдавать одного из создателей ИРА в руки англичанам не станем. И закрывать глаза на их возню вокруг вас – тоже.

– А если...

– Если ситуация изменится, мы вас предупредим и поможем переехать в нейтральное государство, – подхватил Уркхвард, – политики и придворные могут заиграться, но у контрразведки свои интересы, рассчитанные на десятилетия вперёд.

– Условия?

– Забудьте о политике на то время, пока учитесь здесь. Ваши статьи очень интересны. Спорны, но интересны. Не скажу, что согласен, но здравых мыслей немало. Лично мне понравилась идея Революции сверху, опережающей революцию снизу и Государственного капитализма. Что-то похожее мы сейчас и делаем, хотя разумеется, не столь революционное. Да вы и сами можете легко убедиться, что немецкие бедняки пусть и не живут в роскоши, но по сравнению с такими же бедняками в Лондоне или Париже, они обладают целым рядом преимуществ. И что немаловажно, в этом направлении мы опережаем любые государства.

Попаданец чуть округлил глаза, показывая недоверие.

– Европейские государства, разумеется, – улыбнулся контрразведчик, – но в КША ситуация изначально иная. Одно только отсутствие юридически узаконенной аристократии чего стоит, да наличие свободных земель. Да много факторов, вы и сами знаете.

Фоканад кивнул чуть нехотя, социальность Конфедерации во многом вынужденная.

– Мы не просим вас не писать – пишите, бога ради, но пока в стол. Закончите университет, переедете куда вам там нужно, и хоть чем занимайтесь.

– Агент влияния?

Капитан заметно удивился, но понял незнакомый термин.

– Теперь понятно, как вы в таком юном возрасте сумели достичь столь многого. Вы правы, именно агент влияния. Полковник Фокадан, один из Отцов основателей ирландского революционного движения, отучившийся в берлинском университете, в будущем станет неплохим козырем для отношений с ИРА.

– А сам я?

– Достаточно, если вы будете вспоминать Берлин и Пруссию с ностальгией, как лучшие годы молодости.

Фокадан откинулся на спинку и внимательно поглядел на улыбающегося в усы капитана. Красивый ход, такая вот доброжелательность с минимумом ответных обязательств, очень красивый ход. Сложно потом будет относиться к пруссакам даже не как к врагам, а хотя бы просто недоброжелательно. Мда...

Никакой вербовки, никакого шантажа, а пожалуйста – теперь пруссаки получили возможность работать с ирландцами на доверительной основе. Пусть не прямо сейчас, но тем не менее. Разветвлённая диаспора кельтов разбросана по всему миру, и пусть пока это по большей части низы общества, но ситуация уже выправляется.

Это только начало, наверняка подведут потом своих агентов. Впрочем, даже агентов подводить не нужно, достаточно подталкивать к Фокадану пруссаков из тех, с кем приятно общаться. Храбрых, честных, умных людей, патриотов Пруссии. Рано или поздно в таком окружении он и сам... Нет, при необходимости переступит, послезнание о ВОВ<sup>82</sup> никто не отменял.

Возможность нормально учиться, не бегая от разведок, пересилила все опасения.

– Согласен.

\* \* \*

После ухода Фокадана капитан остался в пивной, снова и снова вспоминая разговор с подопечным, опасаясь упустить какую-то важную мелочь. Время от времени отпивая пиво мелкими глоточками, делал пометки и рисунки в блокноте, понятные только ему.

– Экий поганец, – наконец пробурчал он, – социалист, ишь ты! Идейный, не бедствует, популярностью тяготится, с козочками и мальчиками не шалит. Тяжело будет удержать такого на поводке, да и стоит ли?

---

<sup>82</sup> Великой Отечественной Войне.

## Глава 9

Ситуация нормализовалась и Алекс вновь начал нормально учиться, не оглядываясь постоянно по сторонам и не опасаясь провокаций. Учебный год закончился спокойно, и студенты начали разъезжаться на вакации<sup>83</sup>.

– Море, море! – Напевал попаданец, складывая чемоданы и пританцовывая, – Неаполь... Самому не верится!

Мотнув головой, сгоняя блаженную улыбку, продолжил сборы. Неаполь давняя мечта, ещё со школы. Восхитительный древний город, расположенный в Неаполитанском заливе, что может быть лучше? Тёплое море, Везувий, потрясающая архитектура и великолепная средиземноморская кухня... идеальное сочетание!

– Герр Смит, – постучалась пахнувшая луком служанка, – вам записку велено передать. Немолодой такой господин, похожий на военного в штатском.

Настроение начало стремительно портиться, и не напрасно.

«– Герр Смит, прошу прощения, но обстоятельства изменились. Настоятельно не рекомендуем Вам покидать пределы Пруссии, в противном случае Ваша свобода и жизнь окажутся под угрозой»

Скомкав записку, попаданец скрипнул зубами и заходил по комнате, переваливаясь с пятки на носок. Предупреждал ведь кураторов, так что изменилось? В ситуацию с английскими агентами не слишком-то верится. Пруссак, показав недвусмысленный интерес к Фокадану, достаточно надёжно ограждали его от бриттов. По крайней мере до тех пор, пока не сторгуются.

Ждать англичане умеют, тем паче прусская пехота нужна им как воздух. Обещания раздаются щедро и вливания в экономику потенциальных союзников уже начались. Капельно, почти исключительно в военные и около военные предприятия, но всё же.

Ох, что-то здесь не так! Даже если ИРА встала им поперёк горла, то можно начать не с прикрываемого прусскими спецслужбами Фокадана, а с Фреда или Патрика. Или Папаши.

Убить, засудить – многое можно придумать. Тем более, спешка и не нужна, полковник Фокадан весьма недвусмысленно отодвинут от дел ИРА. Да ещё и пруссаки с просьбой не лезть пока в политику.

Словом, пару-тройку лет в запасе, до окончания университета, у попаданца вроде как имелось. Что изменилось?

Вариантов два: пруссаки желают закрутить гайки, постепенно приручая Фокадана, либо начали Большую Игру, наблюдая за шевелениями Алекса и вознёй разведок вокруг него.

При желании и некотором мастерстве, используя попаданца как наживку, можно сделать немало. Да хотя бы ряды почистить от английских шпионов! И это только навскидку, так-то можно провернуть десятки интереснейших комбинаций, причём добрую половину одновременно.

Алекс прекрасно понял всю подноготную, но решение принято: Пруссию нужно покинуть. Не исключено, что спецслужбы подталкивают его к этому, желая расшевелить болото. Плевать, в этой ситуации любое его действие запустит предусмотренный пруссаками сценарий! Наверняка предусмотрены десятки вариантов развития событий, немцы славятся скрупулёзностью и педантизмом.

Просто о какой-либо лояльности к Пруссии теперь не может быть и речи.

Покинуть страну? Да! Но пока нет пока достойных альтернатив. Австрия, Франция, Россия, все они имеют свои недостатки – лично для Фокадана. Мелкие страны тем более не могут дать какой-то защиты.

---

<sup>83</sup> Каникулы, отпуск.

Если бы его известность касалась не только области политики, ведь даже драматургия получилась с политическим подтекстом.

Лицо попаданца исказилось в кривой усмешке.

– Я этого не хотел, – вслух сказал он, – чужой славы мне нужно. Но раз так...

С размаху усевшись в кресло, Алекс вытащил тетрадь и карандаш и начал кратко записывать приходящие в голову идеи.

– Волшебник страны Оз. Замечательная сказка, жаль только не помню толком. Или это к лучшему? Обычная девочка в волшебной стране, всяческая экзотика, вроде деревянных солдат и летучих мартышек. Справлюсь? Пожалуй, да – всяких несуразностей помню много, найдётся, что в сказку вставить.

– Винни-Пух? Вопрос... вроде бы помню хорошо, но не уверен, что сумею воссоздать ту атмосферу, когда веришь, что детские игрушки могут быть живыми, оставаясь в то же время игрушками. Здесь на чудесатости не выедешь. Попробовать?

– Пеппи-Длинный-Чулок? Вне всякого сомнения моё – атмосферу крохотного городка в глубокой провинции и озорства маленькой, но очень сильной и своеобразной девочки смогу передать. Опять-таки помню только контуры произведения, но оно и к лучшему.

Карлсон? Нет, не ко времени, слишком многое придётся переделывать под реалии двадцатого века. Чувствую, что не потяну.

Час спустя, набросав порядка двадцати возможных тем для сказок, Алекс достал новую тетрадь и начал писать...

– Жила-была девочка Кэйтлин...

– Не хотите по-хорошему? – Прошептал попаданец, – сами выбрали... я украду души ваших детей. Попробуйте потом троньте Сказочника...

\* \* \*

Кампания по продвижению Пятнашек, Скрэбблса и Монополии началась организованно. САСШ, КША, Мексика, Калифорния, Техас, и разумеется, все мало-мальски важные европейские государства.

Сперва газетные статьи с восторженными отзывами местных знаменитостей, успевших протестировать игры. Потом нагнетание истерии о необыкновенно интересных и главное – полезных для интеллекта играх. Подписка через газеты для избранных – раньше, чем игры поступят в свободную продажу, и разумеется – эксклюзивного качества. Наконец – продажа в столичных магазинах.

Стояли по несколько часов, закупаая по десятку экземпляров. Себе, родственникам в провинцию, соседям.

Провинциалы изнывали от зависти, читая восторженные отзывы тех, кто уже купил игры. К счастливицам, обладавшим ими, напрашивались в гости. Девятнадцатый век не слишком-то богат на развлечения, так что доступная новинка пошла на ура.

Попытки теневых дельцов навариться, выпуская контрафакт, пресекались жёстко, полицию прикормили заранее.

Попаданец, читая газеты об Игромании охватившей всю большую часть цивилизованного мира, не верил своим глазам. По всему выходило, что месье Леблан вложил в рекламную кампанию всё своё миллионное состояние. И окупил всего за пару недель!

Временами брала зависть, чего уж там врать. Цифры получались совершенно астрономические. Капает и ему, но поменьше, сильно поменьше.

Алекс сам просто не справился бы с задачей такого размаха. Деньги, связи, опыт наконец. Не нужно сравнивать главу адвокатской конторы с филиалами по всему миру, с начинающим (и вдобавок опальным) политиком.



Весь фокус в громкой, одновременной рекламе и прикормленной полиции. В противном случае успех играм был бы гарантированный, но вот с прибылью большая вопрос. Точнее, вопроса в общем-то и нет, прибыль в таком случае получали многочисленные изготовители подделок.

\* \* \*

– Наконец-то, – Алекс подрагивающими руками распаковал письмо Фреда. Пробегая глазами, искал среди десятков листов строчки о дочери. Вот они! Мужчина расплылся в умиленной улыбке...

Видели бы сейчас кто грозного полковника Фокадана, того самого, кто собственноручно отрезал головы убитым бандитам... Впрочем, в этом времени сентиментальные убийцы скорее норма.

Прочитав о Кэйтлин, чья жизнь расписана в письме едва ли не по дням, и полюбовавшись на присланный дагерротип дочки, попаданец наконец перешёл к делам ИРА.

«— ... очень неплохо, если оценивать наше положение исключительно с точки зрения материального благополучия. Стали ли мы жить лучше? Безусловно! Ирландцы в КША едят досыта, а ещё – наконец-то нас воспринимают как равных.

Не «Белые негры» и не «ирлашки», а такие же люди, как и прочие белые Конфедерации. Могут ткнуть в драчливость или посмеяться над пристрастием к алкоголю, но не более, чем смеются над другими и над собой.

В связи с этим, революционные настроения сильно угасли, люди всё больше думают о приземлённом. Дом, работа, семья, покупка предметов роскоши, наконец.

По твоему совету, мы решили не форсировать события и подождать, пока народ наконец «наестся». Надеюсь, что ты прав и пять или десять лет погоды не сделают. Благополучие, до которого можно дотянуться рукой, для большинства людей более значимая цель, чем свобода отеческих земель. Особенно если для этого не требуется предавать кого-то или переступить через себя.

Сомнения есть, но в одном ты прав точно – пытаться заставить аморфную массу людей, наконец-то получивших минимальный достаток, бросить всё и заняться освобождением Родины, почти нереально. Пусть пока обживаются.

Культурная программа работает, но пока с пробуксовкой. Ирландские танцы или бокс идут «на ура», а вот прочие национальные традиции – с превеликим скрипом. Да что там говорить, если большая часть ирландцев не знает даже родного языка!

Курсы языка, лекции по кельтской истории, традиции и культуре, привлекают всё больше не кельтов, а скучающих дамочек среднего класса из креолов. Как ты понимаешь, на такой результат мы никак не рассчитывали, но посоветовавшись с парнями, гонять скучающих баб не стали. Пусть хоть так. Глядишь, сделают кельтскую тему модной.

Кельтские орнаменты на ткани, имена, слащавый романчик на псевдоисторическую тему с кельтами, нам всё на руку, лишь бы говорили.

Благо, денег на эти лекции уходит немного, в основном на аренду помещений. Лекторы работают «на общественных началах», разве что тратимся на покупку чая и кофе, да сладостей для посетителей культурных программ. Но и тут кое-где дамочки начали приходить со своей выпечкой, хвастаясь кулинарным мастерством. Всё на руку.

«— ... игры идут влёт, в КША реклама получилась очень шумной и на редкость удачной. Мало того, что месье Леблан вложил в газетные статьи, так ещё и «магия имени» сработала.

Удивишься, но в Конфедерации ты популярен. Не так, как Ли или Борегар, но в первую двадчатку наиболее известных и почитаемых личностей уверенно входишь. Скажу тебе больше – если бы не обстоятельства, вынудившие тебя покинуть Конфедерацию, быть тебе в Сенате.

Да что там говорить, если Кейси, как ты уже знаешь, заседает в сенате штата. Патрика, как видного поэта, журналисты и издателя, постоянно пытаются затащить в политику, он пока упирается. Да и я на посту начальника полиции Майами, вполне на своём месте. В Сенат меня не потащат из-за «чрезмерно социалистических» настроений, пугающих обывателей, но сам факт, что «отпетый социалист» занимает такой пост, значит немало.

Несколько лет продержусь просто ради прецедента. Чтобы в будущем социалисты могли сослаться на меня, как пример вполне успешного социалиста во власти. Потом увы... несколько лет у меня имеются только потому, что сейчас мы живём в Эпоху Перемен. Как только ситуация нормализуется, на мой пост найдётся немало желающих.

И снова по играм. Спасибо, что доверил мне заниматься ими на территории Конфедерации. Понятно, что основной доход пошёл месье Леблану, но и мне немало перепало. Присмотрел маленькое поместье неподалёку от твоего, рассчитанное на полдюжины работников. Самое то, чтобы жить в покое на лоне природы, когда «Эпоха Перемен» наконец закончится и социалиста попрут с поста.

Пока обговариваю с владельцем детали, но когда ты будешь читать это письмо, поместье будет моим. Хочу «пристегнуть» его к твоему – твой управляющий, твои работники. За процент, разумеется. Желания заниматься этим самому нет ни малейшего, а твой кварталон справляется отменно.

«— ... деньги, что мне переслал, вложил в недвижимость и участки под застройку. В основном приобретал в Новом Орлеане и Майами, как ты и хотел. В Новом Орлеане едва успел: только-только начал выкупать участки со сгоревшими во время эпидемии домами, как цены на недвижимость тут же поползли вверх.

Народ потихонечку возвращается в город, и я думаю, что как бы не мои покупки подтолкнули обывателей к этому. Дескать, раз уж появилась деловая активность, то пора.

Несколько участков приобрёл в Атланте и Чарльстоне – помогли Патрик и Кейси. Они оба, кстати, активно вкладываются в участки под застройку и промышленность.

Деньгами не сорят. Кейси, так и вовсе, можно назвать несколько прижимистым. Впрочем, он весь в работе – эти его железные дороги, да Сенат, да учиться, некогда развлекаться особо.

Собственно, как и мне. Только подумаешь, что хорошо бы развеяться, как нужно бежать расследовать очередное громкое дело. Или давать втык обленившемуся капитану, тренировать штурмовые группы, встречаться с членами городского Совета. Оглянуться не успел, а с мыслью о «Развеяться» уже две недели прошло, а я всё времени даже на «Выспаться» найти не могу.

Кларк... помнишь второго лейтенанта из роты Патрика? Блондинистый такой, почти бесцветный. Так вот он денежки и промотал. Сперва свой участок на золотом прииске в Калифорнии, а потом и в долги влез. Мы с парнями расплатились за него, теперь вот отрабатывает. Зарок дал – не пить больше...»

Отложив наконец письмо, Алекс посидел так некоторое время, приводя в порядок мысли.

После памятной записки с просьбой-приказом не покидать Пруссию, прислали ещё одну, с просьбой-приказом не покидать Берлин. Вынужденный проводить лето в большом промышленном городе, попаданец почти всё время посвящал написанию книги.

Волшебник из страны Оз получился очень по мотивам. Сказочка из тех, что скорее для взрослых. Как ни старался, но озлобленность на власти Пруссии сделала своё дело, повесть вышла политизированной. В образах Железного Дровосека и Трусливого Льва отчётливо виднелись образы Пруссии, с её стремлением к механическому порядку, и Англии – с её стремлением отсидеться на Островах, воевать чужими руками.

Не менее политизированными получились и образы безмозглого, набитого соломой Страшилы-Австрии. От первоначальной сказки осталось немного, вышла едкая политическая

сатира в духе Гулливера<sup>84</sup>. Досталось всем государствам Европы, а в образах летучих обезьян легко угадывались карликовые немецкие княжества.

Политизировано, но к месту, очень едко и метко. Хочется, чтобы это произведение увидело свет. Сказки для детей потом напишет, в более спокойной обстановке.

---

<sup>84</sup> Свифт писал «Гулливера» как политическую сатиру, очень едкую и остроумную на тот момент. Со временем политика забылась, осталась только восхитительная сказочная повесть. Вообще, очень многие сказочные произведения писались с подтекстом, понятным только современникам.

## Глава 10

– Герр Смит? – Окликнули мужчину на улице.

– Он самый, – сдержанно отозвался Алекс, развернувшись и мгновенно всё поняв, – с кем имею честь?

– Не имеете! – Злобно пролаял сухопарый жандарм с оспинами на лице, глядя рыбьими глазами, – вы арестованы!

– Ордер! – Попаданец отступил на шаг назад по вымощенному тесаными плитами тротуару, вытащив дерринджер и наставив оружие на жандармов. Рыбьеглазый аж задохнулся от возмущения, начав хватать воздух тонкими губами, покрытыми пузырьками герпеса по краям.

Напарник, немолодой здоровяк с несколько одутловатым лицом и усами наподобие велосипедного руля, молча вытащил ордер. Попаданец, бегло пробежавшись глазами, протянул здоровяку дерринджер.

– Ещё нож за отворотом сюртука, – преувеличенно любезно сказал усатому под смешки зевая, – достать?

– Мм... будьте любезны, – выдавил жандарм, нервно озираясь по сторонам. Сценка привлекла внимание прохожих, особенно момент, когда Алекс наставил оружие на служивых. Для пруссаков, воспитанных на почитании властей, подобное просто немыслимо.

– Ещё что есть? – Спросил усатый, нервно трогая усы.

– Кастет, тычковый кинжал, – охотно ответил Фокадан, улыбаясь.

– Будьте любезны, – повторил жандарм, нервно поведя шеей и дожидаясь, пока попаданец разоружится, – прошу в карету.

Чёрная тюремная карета с закрытыми окнами, внутри оказалась неожиданно комфортабельной. Алекса отпустило нервное напряжение, державшее его последние пару недель за горло, и неожиданно для себя мужчина заснул, привалившись к плечу одного из севших по бокам жандармов.

– Выходите, – после истории с нацеленным оружием, жандармы обращались с ним, как со склянкой нитроглицерина<sup>85</sup>. Моргая спросонья и с трудом сдерживая зевоту, Алекс влез из кареты, оказавшись в тесном дворике, окружённом высокими кирпичными стенами.

– Пройдёмте, – рыбьеглазый очень осторожно ткнул в спину, а усатый пошёл спереди, постоянно напряжённо оглядываясь.

Тесные, какие-то нарочито тёмные коридоры с обитыми металлом дверьми по обеим сторонам. В одну из таких дверей ввели Алекса, дверь тут же захлопнулась с лязгом, послышался поворот ключей.

– Следователя, как я понимаю, мне не полагается? – Громко сказал Фокадан и огляделся, не ожидая ответа.

Комнатка, метров этак в шесть квадратных, обставлена с лаконичным минимализмом. Достаточно широкие нары из досок, отполированных телами сотен постояльцев, стоящие вплотную к стене. Полка с большой глиняной кружкой и погрызенной оловянной ложкой на ней, накрытое крышкой ведро характерного вида, глиняный кувшин с водой.

В стене под потолком виднеется маленькое зарешеченное окошко, которое и служит единственным источником освещения и вентиляции. На стенах отчётливо виднеется плесень и многочисленные нацарапанные рисунки, стишки, ругательства и обычные чёрточки.

Алекс тут же начал изучать наскальную живопись, чувствуя себя этнографом в экзотическом племени. Страх отсутствовал как таковой, ситуация просчитана заранее, несколько недель назад.

---

<sup>85</sup> Взрывчатое вещество, известное крайней нестабильностью и взрывоопасностью.

Посылая Волшебник из страны Оз в издательства сразу нескольких государств, он ожидал ареста. Формальный повод имелся – влез в политику вопреки рекомендациям прусских спецслужб.

Другого выхода попаданец не нашёл. Возможно, не нашёл от недостатка опыта в подобных играх, или просто житейского. Но ввязываться в длительную игру против Системы желания нет. Это только в книгах одиночка может переиграть её, нагнуть под себя. В жизни за таким одиночкой чаще всего стоит другое государство, Клан или сильные покровители. Отдельных гениев не стоит учитывать, на то они и гении.

Потому принял решение просто разорвать паутину, плетущуюся вокруг. А как иначе? Длительные переговоры с людьми, которые относятся к своему слову, как настоящие джентельмены<sup>86</sup> просто бессмысленны. Торговля, взаимные уступки – опомниться не успеешь, как подписал бумагу о сотрудничестве и становлении внештатным сотрудником прусских спецслужб.

Лучше уж так, шумно. Арест известного человека непременно вызовет скандал. Тем более, инкогнито полковника Фокадана достаточно относительное, и замолчать дело, сделав его бессрочным, не выйдет.

Припугнуть? Так Алекс заранее узнал границы дозволенного. Тем паче, Железный Дровосек, в котором легко угадывалась Пруссия, вышел в общем-то не самым неприятным персонажем. Специфическим, это да. Но пруссаки отпускали куда как более едкие шуточки о себе.

Англии тоже не передадут, общественный резонанс слишком сильный выйдет. Конфедерация после такого просто обязана будет сказать своё фи за хамское отношение к известному гражданину. Портить отношения с основным поставщиком хлопка из-за желания потрепать нервы непослушному писателю не станут.

Что остаётся пруссакам? Играть на нервах Фокадана, в надежде получить хоть что-то. Ну или просто для оправдания перед начальством – дескать, старались.

По расчётам попаданца, выпустить его должны не позднее, чем через пару месяцев. Скорее всего, влупят вдогонку судебным запретом на посещение Пруссии. Если уж спецслужбы закусят удила и пойдут на принцип, то максимум, что грозит – годик тюрьмы в более-менее комфортабельных условиях.

\* \* \*

– Вот же зараза, – пробормотал негромко наблюдающий за новым постояльцем офицер, отпрянув от сложно устроенного перископа, созданного специально для камеры с особыми гостями, – не ввали, значит. Ладно... тогда на сегодня забудем про него, пусть на голых досках поспит да в неизвестности помучится.

\* \* \*

Тело немного затекло, но особых неудобств от ночёвки на досках Алекс не ощутил – в ночлежках и не в таких условиях спать приходилось, да и после, на войне. Тем паче, в камере доски чистые и клопов, что удивительно, не наблюдается. Холода по летнему времени тоже не ощущалось. Единственное неудобство – невозможность нормально умыться и почистить зубы.

Раздевшись до белья, попаданец сделал лёгкую зарядку, особое внимание уделив растяжке и суставам.

– Если вы уже устали, сели встали, сели-встали! – Напевал он на немецком, бодро размахивая конечностями.

---

<sup>86</sup> «Джентельмен хозяин своего слова. Нужно – дал, нужно – забрал назад.»

Поскольку завтрак не несли, очевидно забыв о новом постояльце, Фокадан принялся изучать наскальную живопись, среди которой попадались прелюбопытнейшие образцы.

День прошёл в этнографических изысканиях, и в общем-то, небезинтересно. Камера, судя по некоторым признакам, предназначалась для особых гостей и кое-какие автографы навевали интересные мысли.

Единственное, немного бурчал живот, потому как за весь день не принесли и крошки. Благо, воды в кувшине более чем достаточно, да и пить в сырой камере не слишком-то хочется.

– На выход! – Раздалось на следующий день. Алекс, накинув сюртук, вышел. Снова карета, и вот он стоит во дворе одной из нормальных берлинских тюрем.

– Шевелись!

Толчок в спину, и попаданец влетел в большую камеру, наполненную народом. Метров пятьдесят квадратных, помещение заставлено двух ярусными нарами, застеленными грязным бельём.

Несколько маленьких окошек, видневшихся за нарами, почти не пропускали свет, что компенсировалось не менее чем десятком убогих светильников, скорее чадивших, чем светивших. Масло в светильниках явно прогорклое, с явственными рыбными нотками.

Аборигены – обычные обитатели обычной ночлежки, примерно тридцать особей. Спившиеся полууголовные рожи, одетые кто как. Невообразимые лохмотья профессионального бомжа и побирушки могли соседствовать с потрёпанным военным мундиром неведомого рода войск или неплохим сюртуком.

– Новенький, – ощерился гнилыми зубами какой-то бродяга, встав с пола, – чистенький.

Бормоча всякую ерунду, в попытках запугать новичка, он шёл враскачку. Общество с интересом наблюдало за представлением, бросив свои занятия.

Молниеносный удар в челюсть, и шестёрка осел на пол.

– Руки он будет тянуть к лицу, – брезгливо бросил попаданец, вытирая костяшки о сюртук, – сявка. Освободите место серьёзному человеку, бродяги!

Говорил Алекс не по правилам, принятым в местном уголовном мире, но устоявшихся воровских законов, языка и авторитетов в Германии в общем-то и нет. В качестве воровского языка используется идиш<sup>87</sup> и исковерканные словечки из него, да и то не всеми. Между бандами и какое-то взаимодействие есть, но в основном идёт через скупщиков краденого, а не через уголовных авторитетов.

– За что попал сюда серьёзный человек? – Поинтересовался крепкий рыжеватый мужчина лет тридцати, лениво тасуя карточную колоду. Вытянутая, слегка лошадиная физиономия авторитета выражала искренний, доброжелательный интерес. Тон вопроса самый светский, но при этом вполне уместный для человека, сидящего по-турецки на грязном, кишасщем вшами одеяле.

– За сатиру, – ответил Алекс, присев рядышком на освободившееся место, – немного за политику и самую чуточку – чтоб сговорчивей был с жандармами.

Скинув туфли по примеру авторитета, попаданец подтянул ноги под себя и вытащил сигару.

– Так-то редко курю, – доверительно поделился он с окружающими, – но и в тюрьму не каждый день попадаю.

---

<sup>87</sup> Исторический факт. «Воровской язык» Германии и России заимствовал свои слова изначально в идише. В этих странах евреи традиционно проживали компактно, и были опутаны массой религиозных законов, регламентирующих всё и вся. Религиозному еврею найти нормальную работу помимо гетто или местечка было почти не реально, по большей части такая работа являлась «некошерной». В самом гетто-местечке работы хватало не на всех, так что евреи брались за любые подработки, не идущие вразрез с религиозными правилами. Как ни странно такое читать, но криминал считался более «кошерным», чем необходимость работать в субботу. Или рядом со свинофермой... запретов очень много. В то же время скупка краденого или кражи считались куда меньшим грехом, особенно если крали у не евреев.

- Бывал уже?
- Пока работным домом обходился, да ночлежками, – хмыкнул попаданец, выпустив колечко дыма, – но всё впереди.
- Политика? – Всё так светским тоном спросил авторитет.
- Она самая. Социалист.
- О как! – собеседник кольнул его взглядом и задумался ненадолго, – а что за сатира-то? Вместо ответа Алекс начал:
- Девочка Кэйтлин со своим псом Тотошкой...

\* \* \*

Два дня в общей камере не стали для попаданца чем – то страшным. Застоявшийся вонючий воздух – это да, проблема. Но опять-таки, бывало и хуже. Вши, кожные болезни и явственные признаки туберкулёза у некоторых постояльцев. Не страшней, чем в ночлежках – там-то народ с сифилисом не редкость. В тюрьме таких в отдельном бараке содержат, как и туберкулёзников с открытой формой.

Кормят получше, чем в работном доме – скверно, но откровенного гнилья нет.

– Да ладно?! – Удивился один из бродяг его словам, – там жрачка хуже, чем у нас в тюрьме?

– Много хуже, – ответил Алекс, отставивший миску в сторону и с аппетитом облизавший ложку, спрятав её во внутренний карман сюртука, – Здешнего коменданта награждать нужно – сразу видно, не ворует. Да и повар молодец, старается человек. Поспрашивайте у знающих людей.

– По тюрьмам полковник прав, у нас вполне приличная. А вот по работным домам где как, – отозвался пожилой мужчина с явственными морскими повадками, – сам не бывал, но говорят, что и приличные работные дома встречаются.

– Есть, – не стал спорить попаданец, – образцово-показательные, специально для важных гостей. Так сколько таких? Два-три на всю страну, больше для экскурсантов и не нужно. Ну пусть с дюжину, больше приличных точно нет. А сколько их по Доброй Старой Англии? Сотни.

Уголовники, среди которых преобладала мелкая шпана, отнеслись к нему вполне доброжелательно. Как же, интересный человек, сказки вон рассказывает, да суть социализма желающим растолковывает. Тем более, не фраер<sup>88</sup> какой – трущобы прошёл, воевал, политикой занимался. И по морде может обеспечить, не без этого.

– У вас таких много? – Как бы между прочим спросил Гюнтер, тот самый рыжеватый картёжник, один из лидеров камеры.

– Конкретней, – лениво отозвался Алекс, тасуя колоду, – вот так можно... Видите, парни? Ногтем чуть придержать. Да, так.

– У социалистов, – уточнил Гюнтер.

– Смотря каких. Социалист – очень растяжимое понятие. Но вообще да, немало, особенно если парни из рабочих кварталов вышли. Там понимают, что к чему.

– А бюргеры?

– Всякие есть. Обычно на бумаге могут мысли изложить грамотно, но народ они не понимают. Да и как до дела доходит, выясняется, что Они не то имели в виду.

Гюнтер хохотнул, повторяя за попаданцем упражнения с карточной колодой.

– Знакомо... бойцы-теоретики! Зато уж если через себя переступят, то берегов не видят – кровь как воду льют.

---

<sup>88</sup> Человек, далёкий от уголовного мира, потенциальная жертва.

– Верно. Так если интересуешься, то диванных бойцов читать нужно, но за толкованием лучше обращаться к тем, кто из низов вышел.

Некоторое время отрабатывали растасовку карт и прочие шулерские хитрости.

– А Конфедерация... как? – Спросил здоровенный деревенский парняга, севший формально за грабёж. Алекс знал эту историю, и находил её скорее забавной. Подрались два оболтуса после кабака, один другому пиджак порвал. Так пострадавший, озлившись, сперва вырубил обидчика, а потом в качестве компенсации снял с него пиджак. По-хорошему, дать грабителю по морде, да настрашать, но дело попало в руки излишне ретивого служаки.

– Конфедерация? По-разному. Если кто на гастроли туда задумал поехать, то не рекомендую. Почти все мужчины воевали, стрелять умеют и стреляют не задумываясь. Да и женщины умеют с оружием обращаться. Чужаки там видны, и если что – первые под подозрение попадают.

– Не, я работать, – смутился парень, показывая огромные мозолистые ладони, – деревенский, мне бы на землю!

– Таких ценят, – кивнул Фокадан, – работником легко на ферму устроишься. По деньгам не скажу, не интересовался особо. Вроде как побольше, чем в Европе выходит – это если по деньгам. По кормёжке и отношению даже сравнивать не стоит – много лучше у нас. Говорят, хорошему работнику можно договориться и на часть урожая, но про то слышал краем уха, могу и ошибиться. Баб вдовых много, тоже можно пристроиться, но это если покажешь себя работником толковым и человеком надёжным.

– А в городе если? – Поинтересовался ставший необычно серьёзным Гюнтер.

– Полно работы, – подтвердил попаданец, – промышленность там развивается, да и платят неплохо. По крайней мере, семью можно содержать – да так, чтобы женщина и дети не работали.

– А... дом? – Хрипло спросил кто-то за спиной.

– Сложнее, но вполне реально. Народу пока мало, земли много, участки под застройку сравнительно дешёвые. Долго это не продлится, но ежели не телиться, а переехать туда в ближайшие год-два, можно неплохо пристроиться. Рабочие руки там сейчас позарез, вот так, – Фокадан провёл рукой под горлом, – на прошлое особо смотреть не будут. Умеешь работать, да не совсем буйный, так рады будут.

Тишина стояла мёртвая...

– Нет, – с истерической весёлостью сказал пожилой уголовник туберкулёзного вида, – это не для меня! Мне бы погулять... кха-кха... напоследок.

Через несколько дней сказка Волшебник страны Оз неведомым образом просочилась за стены камеры, а чуть погодя заключённые начали спорить о социализме и возможности переехать в Конфедерацию.

Алекс не без удивления признал, что вырос. Понятно, что сыграл авторитет настоящего полковника, военных пруссаки уважают необыкновенно, даже если это военные не настоящих, не европейских государств.

Помимо авторитета, сработало ещё и умение общаться с самым разным людом. Сперва трущобы, потом сцена, политика, армия, управленческая деятельность. Объясниться, втолковать свою точку зрения, убедить в своей правоте, настоять на своём.

\* \* \*

– Не хочу, – зевая, ответил Фокадан капитану Уркхарду, – просто не хочу общаться с вами и вашими коллегами. Доверия вам нет, как и нет желания заниматься психологическими играми.

– Послушайте, – начал капитан, – всё это ради вашей...



Попаданец не шёл на контакт, не реагируя на попытки объяснить, логические доводы и провокации. Попытки разговаривать его предпринимались почти неделю.

\* \* \*

... – находиться на территории Пруссии... – хорошо поставленным голосом читал судья стоящему перед ним Фокадану, – ... в двадцать четыре часа.

Время на сборы и возможность привести себя в порядок не предоставили. Алекса посадили на поезд вместе с двумя мрачными жандармами, не проронившими ни слова. Грязного и завшивленного, писателя передали пограничникам Баварии.

## Глава 11

– Неожиданно, – только и смог сказать попаданец, стараясь не сорваться.

– Его величество любопытен, – отозвался прибывший вместе с пограничниками придворный нарочито индифферентно<sup>89</sup>.

Судя по мелким деталям, осанистому вельможе это поручение – как кость в горле. Король Баварии Людвиг Второй Виттельсбах, сумел за короткое время достать даже придворных. А это, знаете ли, достижение.

– Неожиданно, – повторил Алекс, приходя в себя, – сочту за честь принять предложение вашего сюзерена.

Судя по слегка скривившейся физиономии придворного, ляпнул он что-то совсем не к месту.

– Надеюсь, у меня будет возможность привести себя в порядок перед встречей с Его Величеством?

– Его Величество желает видеть вас в натуральном виде, – сухоvalo отозвался собеседник, чуть задрав голову с изрядными залысинами и пышными седыми бакенбардами, – прошу.

По еле уловимому мановению руки, один из сопровождающих его лакеев открыл дверцу кареты, и Алекс забрался внутрь, в пахнущее хорошим табаком и одеколоном нутро. Залез и придворный, так и не пожелавший представиться.

Хамство? Безусловно, но скорее этакая фронда<sup>90</sup> по отношению к взбаламошному королю. По крайней мере, хочется на это надеяться. В карету забрался ещё один сопровождающий, лакеи на задках.

Фокадан судорожно пытался просчитывать ситуацию, получалось не слишком-то хорошо. Баварский король считается личностью изрядно взбаламошной и своеобразной, но и это полбеды.

В голове попаданца смешались сведения, почёрпнутые о правителе Баварии из нынешних газет и обрывков случайно долетевших сплетен, с информацией из будущего. Король-трубадур, король-романтик, ругаемый при жизни за безумные траты на культуру и обвинённый в сумасшествии.

Здесь он пока ничем не прославился, кроме повышенного романтизма и неудачной войны на стороне Германского Союза и Австрии против Пруссии в прошлом году. Вмешательство Франции и России сделало проигранную по сути войну ничьёй, так что не критично.

Ах да, ещё та история с Вагнером<sup>91</sup>... То есть король ещё и деньгами распоряжаться не умеет.

Дорогой молчали, отчего Алекс накручивал себя всякими гадостями. Наконец, карета остановилась, и лакей отворил дверцы.

Первым вышел придворный, потом попаданец, слепо шурясь на яркое полуденное солнце. После тюрьмы с её вечным полумраком, глаза начинали слезиться, даже если на небе облака.

---

<sup>89</sup> Без интереса, без эмоций.

<sup>90</sup> Ряд антиправительственных действий во Франции с 1648 по 1653 годы, фактически вялотекущая гражданская война. В современный русский язык значение «фрондировать» означает высказывать недовольство властям, не переходя при этом к действиям.

<sup>91</sup> Знаменитый композитор, написавший в том числе «Кольцо Нибелунга», оперу из четырёх частей, считающуюся самой длительной, пафосной и дорогостоящей оперой мира. Людвиг Второй только в 1865 году, выделил Вагнеру 170 000 гульденов. Для сравнения – после проигранной в Реальной Истории войны, Бавария в качестве репараций (помимо земель и политических уступок) выплатила Пруссии 30 000 000 гульденов. То есть траты Людвиг Второго на культуру можно назвать ненормальными.

– Следуйте за мной, – всё так же индифферентно велел вельможа, и Алекс повиновался, поглядывая по дороге по сторонам.

Особым специалистом по архитектуре он себя не считал, но похоже, это мюнхенская резиденция Виттельсбахов. Громадный и невероятно красивый комплекс подавляет, держать себя в руках и не сбиться на восторженное чинопочитание владельцев такой махины сложно.

Попадающиеся на пути придворные провожают ничего не выражающими взглядами, от которых делается страшно. Такие глаза Алекс видел разве что в Пяти Точках, у напрочь долбанутых уголовников, даже среди своих считающихся отморозками.

Лица мёртвоглазых текучи, как вода. Они ухитряются выражать искреннее внимание собеседнику, равнодушие проходящим мимо лакеям и презрительную гримасу попаданцу. Одновременно! Поразительное мастерство и... уж не признак ли психических расстройств?

Пройдя анфиладу<sup>92</sup> красивейших залов, как-то внезапно оказались в большом... кабине? На это намекал громадный письменный стол и книжные шкафы, но остальной антураж чересчур богемный. Не настолько безвкусный, как у приснопамятного антрепренёра Бауэри, но суть та же. Внимание раздёргивается напрочь, работать в такой кабине не реально, а ведь Людвиг как-то справляется, или так работает?

– Полковник Фокадан! – Громогласно объявил сопровождающий его придворный, и откуда-то из-за шкафа вышел юноша с тщательно уложенными кудрями на голове, завитыми и напомаженными. С ним ещё несколько человек, выглядящих настолько профессионально-одухотворённо, что попаданец мгновенно понял – деятели культуры, пришедшие к спонсору.

– Друг мой! – Сказал юноша хорошо поставленным голосом и пошёл к Алексу быстрыми шагами, раскинув руки в стороны, – друг мой!

Юноша обнял напрягшегося попаданца, тот неловко обнял его в ответ, уже догадавшись, кто это. От монарха крепко разило удушливой смесью одеколона, бриолина и благовоний.

– Как вы страдали!

Людвиг отстранил попаданца, вглядываясь в его лицо влажными от слёз глазами.

– Как вы страдали! – Повторил он, слегка брызгая слюной из рта.

Снова объятия, напугавшие Фокадана больше, чем штурм Атланты.

– Настоящий рыцарь, готовый отстаивать свои идеалы мечом и пером! – Пафосно объявил король, указывая одухотворённым личностям на попаданца, – но разумеется, Пруссия не ценит таких людей. Настоящий Железный Дровосек! Ах, как точно подмечено... А мы, Бавария, это девочка Кэйтлин, отстаивающая идеалы справедливости и добра в окружении фальшивых друзей!

Людвиг жужжал что-то пафосное, бегая вокруг попаданца и принимая картинные позы, так и напрашивающиеся на портрет.

– Да он же голубой! – с ужасом понял Алекс, от чего волосы у него ощутимо встали дыбом, – читал ведь что-то такое. Умер девственником. Тщательно подавляемые, но ярко выраженные гомосексуальные наклонности. Отсюда его увлечение оперой, живописью и искусством вообще. Куда я попал!

– Хочу обратно в тюрьму! – Тихонечко проскулил он вслух. Король в тот момент принимал очередную красивую позу, вещая что-то пафосное. Одухотворённые личности не отрывали взглядов от спонсора, а вот ответственный за доставку придворный... Губы его дрогнули в ощутимой, несколько злорадной улыбке.

– Друг мой! – Снова обратился к нему король, – у нас тут возникли кое-какие вопросы, будьте так любезны, помогите.

---

<sup>92</sup> Ряд последовательно примыкающих друг к другу пространственных элементов (помещений, дворов, градостроительных пространств), расположенных на одной оси, что создаёт сквозную перспективу.

В нетерпении Его Величество схватил Фокадана за донельзя грязный, засаленный рукав, и потащил куда-то за шкафы. Попаданец слабо упирался, опасаясь чего-то неведомого, но как оказалось – напрасно.

Прямо на полу лежала Монополия, которую создатель игры опознал не сразу. Огромная, в несколько раз больше оригинала, созданная по мотивам, а не тупо перерисованная с увеличением масштаба.

– Потрясающе, – вырвалось у Алекса, – кто рисовал?

Людвиг отмахнулся и спросил:

– У меня возник ряд вопросов по игре, и раз уж её создатель здесь, хочу задать вам ряд вопросов.

Его Величество отпустил своего гостя через два часа, выпросив все тонкости и терроризируя лакея, записывающего в блокнот советы изобретателя.

Фокадана устроили здесь же, во дворце. Небольшие, безликие апартаменты из спальни, кабинета и гардеробной, где заодно располагалась ночная ваза.

Отмывшись и с превеликим наслаждением переодевшись в чистую одежду, положенную лакеями на стул рядом с ванной, долго расчёсывал голову частым гребнем, вычёсывая вшей и гнид. Потом пришёл черед персидской ромашки<sup>93</sup>. Вывести живность окончательно удастся разве что через несколько дней. Неприятно, ну да не привыкать – даже в актёрскую бытность приходилось ловить на себе мигрантов, и это несмотря на гигиену. Потом политика с трущобами, война. Словом, вши стали неприятной, но практически неизменной частью жизни.

Одежда явно с чужого плеча, это понятно. Успел переслать Леблану документы, награды и архивы – уже хорошо. С одеждой же получилось скорее забавно – ну кто знал, что прусским спецслужбам присуща такая мелочная мстительность? Притянули за уши какие-то замшелые, но до сих пор не отменённые законы и постановления, и в итоге его гардероб оказался под арестом. Причём с казуистической<sup>94</sup> формулировкой, что он сам должен её забрать – это при запрете на въезд в Пруссию.

– Его величество ожидает вас к столу, – известил пожилой осанистый лакей, вошедший в комнату с чрезвычайно важным видом. Или не лакей, а какой-то служитель более высокого ранга? Чёрт их разберёт. Алекс, ещё учась в Берлине, не без удивления узнал, что у лакеев при дворах есть своя градация. Какой-нибудь обер-лакей, протирающий вилки, может по табелю о рангах быть равным пехотному майору, а по части привилегий и жалования, так и превосходить служаку.

С сомнением оглядел себя и чуть притормозил.

– Его величество понимает, что гардероб его гостя может не вполне соответствовать, – невозмутимо сообщил уловивший заминку лакей, – прошу следовать за мной.

– ... полковник Фокадан!

Трапеза проходила в малой столовой – помещении чуть поменьше баскетбольного зала. Громадный стол, застеленный роскошной парчовой скатертью, мейсенский фарфор<sup>95</sup>, золото и хрусталь.

К слову, роскошь не слишком-то впечатляла, не из подвала вылез, в двадцать первом веке уровень жизни немножечко другой. Плюс интернет, телевиденье, музеи. Так и хочется брякнуть что-то вроде бедненько, но чистенько.

– Мы тут по домашнему, друг мой, – радостно сообщил Людвиг, – маленькая компания друзей.

---

<sup>93</sup> Средство от вшей, блох и прочих насекомых.

<sup>94</sup> В общеупотребительном бытовом значении под этим термином понимают изворотливость в аргументах при доказательстве сомнительных или ложных идей; крючкотворство.

<sup>95</sup> Фарфор, производящийся в городе Мейсен, Саксония. Считается эталоном качественного фарфора.

В понимании феодала компания и правда маленькая, двенадцать человек вместе с королём и попаданцем. Где-то в сторонке, за стоящими в столовой кадками с тропическими растениями, прятался струнный квартет. Обед... или это какой-нибудь второй завтрак<sup>96</sup> (?) обслуживала не меньше дюжины лакеев. А так да, маленькая компания.

– Гарольд Ласло, писатель, – начал радостно представлять Людвиг гостей, блестя глазами.

– Зигфрид фон...

– ... композитор.

– Счастливо познакомиться со столь выдающимися личностями, – вежливо поклонился попаданец. Среди всех представленных ему людей, Алекс опознал только одного модного писателя, чьё имя часто встречалось в газетах.

Впрочем, от творческой тусовки он далёк, тем паче что представленный писатель модный, а не хороший. В Нью-Йорке приходилось следить за моментом и соответствовать трендам, но с началом формирования Кельтики эта полезная привычка заброшена.

Речь Людвиг журчала ручейком, он не столько ел, сколько говорил, говорил, говорил... Другие члены компании старались не отставать, старательно подыгрывая Его Величеству, восхищённо замирая, когда тот говорил, и подавая тщательно выверенные экспромты<sup>97</sup>, явно придуманные заранее.

Звучали отрепетированные монологи и настоящие кусочки пьес, где творческая интеллигенция мастерски подыгрывала друг-другу, подводя спонсора к нужному решению.

Попаданец, меланхолично жуя вкуснейший антрекот, аж умилился сей пасторальной<sup>98</sup> идиллии, но быстро понял, что Людвиг настолько щедрый спонсор, что его хватит на всех. А если чересчур жадничать, то можно последовать вслед за Вагнером, в изгнание.

Нет, не сам король – возмущённые подданные потребовали изгнать присосавшегося к казне композитора. Потом вроде бы требования смягчили, но урок зажавшимся и зарвавшимся деятелям культуры вышел неплохой.

– ... любви... – попаданец быстро потерял нить разговора. Лоэнгрин<sup>99</sup>, дева-лебедь, куртуазная любовь...

– Что вы думаете о любви, друг мой? – Поинтересовался монарх.

– Я старый солдат, и не знаю слов любви, Ваше Величество, – отбрехался попаданец.

Людвиг звонко рассмеялся, закидывая голову назад.

– Ну разве он не прелесть, господа?

Господа закивали, Алекс нервно сглотнул – Прелестью он быть отказывался. Категорически.

\* \* \*

Фокадан стал очередной игрушкой Людвиг, таких фаворитов из мира искусства у короля-мецената не один десяток. Каких-то неправильных поползновений в его сторону величество не предпринимал, и попаданец успокоился.

Проблем хватало и без поползновений. Так, монарх вознамерился одеть-обуть славного рыцаря за свой счёт. И одел по своему вкусу. Нельзя сказать, что откровенно по нехорошему, но достаточно вычурно.

---

<sup>96</sup> ГГ не случайно путается. В то время (и значительно позднее) обедом в аристократических кругах нередко называли вечернюю трапезу. Ужинали ближе к полуночи.

<sup>97</sup> Какое-то выступление (тост, речь, стих, музыкальное произведение), созданное тут же, без подготовки.

<sup>98</sup> Сельский (пастушеский) жанр в искусстве. Выражение может использоваться в значении «чистота нравов».

<sup>99</sup> Рыцарь Грааля из популярных средневековых легенд. Ещё – опера Вагнера, основанная на этих легендах.

Вкус у Людвига имеется, да преотменный. Но если попаданец предпочитает классический покрой, который можно носить годами, то король следит за модными тенденциями. Ярко, красиво, стильно!

Такие вещи устаревают за один-два сезона, да и к месту они разве что во дворце, опере и тому подобных местах. В толпе не затеряешься.

Почти две недели монарх держал при себе Алекса, выдёргивая на все мероприятия. Опера, встреча с деятелями культуры, более ничем Людвиг не интересовался. Война, экономика, сельское хозяйство – докучливое недоразумение, коим не следует заниматься просвещённому человеку.

Фокадан взвыл от жизни, состоящей из одних примерок и культурных мероприятий, попытавшись поговорить с Людвигом.

– Покинуть меня хочешь? – Юный король нахмурился опечаленно, – нехорошо... нехорошо, – развернувшись, Людвиг пошёл прочь, ничего не ответив.

На этом всё и закончилось, а царедворцы в мягкой форме донесли попаданцу, что ныне он развлекает его величество и тем должен быть премного доволен.

«– ... неужели вы так хотите вернуться в Пруссию? – С деланным изумлением спросил грузный, со сложным придворным чином, который попаданец перевёл себе как генерал-майорский, – можем и такое устроить. Его величество добр, но это не значит, что можно злоупотреблять его добротой. На это у него есть мы – его верные слуги».

Пару лазеек всё-таки нашлись. Так, Людвиг очень трепетно относился к рыцарским делам, так что Фокадан усиленно занялся фехтованием и верховой ездой. Благо, фехтмейстеры<sup>100</sup> при дворе имеются.

Ещё более трепетно относился монарх к творчеству, так что пришлось изобразить горение, дабы получить возможность не выходить из своих апартаментов. Как назло, ничего толкового в голову не лезло.

Озлившись, попаданец за неделю написал несколько коротких рассказов по мотивам Пеппи Длинныйчулок<sup>101</sup>. Действие перенёс в Баварию, а жителям городка попаданец приписал все самые смешные и нелепые причуды, которые только мог придумать.

– Остренько получается, – пробормотал, правя рассказы, – как бы не влететь. Вычеркнем это, добавим бургомистру харизмы... Да, убого получается: сатира ушла, осталась примитивная комедия, рассчитанная на людей с мышлением инфузорий. А, чёрт с ними!

По этим рассказам менее чем за два дня накатал откровенно халтурную комедийную пьеску и...

– Это восхитительно! – Сказал король, – никогда так не смеялся! Лёгкое, живое и такое светлое произведение... А пьеса?! Чудо! Как она будет смотреться на сцене!

– Да, – согласно кивнул именитый драматург Байер, – вам, коллега, удалось написать первую в мире пьесу, на которую будут приходить целыми семьями.

– А ты ещё хотел покинуть меня! – Патетично воскликнул Людвиг, – Разве тогда ты смог бы написать такое чудо?! Нет, я теперь никуда тебя не отпущу!

---

<sup>100</sup> Учителя фехтования. Так же этим термином могут называть фехтовальщиков очень высокого класса.

<sup>101</sup> Главный персонаж серии книг детской писательницы Астрид Линдгрен. Обладательница огромной физической силой, чемодана с золотом и бурной фантазии. Действия происходят в крохотном провинциальном городке в Швеции.

## Глава 12

Жизнь в мюнхенской резиденции Виттельсбахов у попаданца складывается как-то наперекосяк. Сам король и часть его окружения приняли Фокадана очень тепло, но по большей части эта теплота напоказ.

Большая часть придворных старательно игнорирует Алекса. Для кого-то он опасный конкурент в борьбе за королевское внимание. Другие тревожатся, что Фокадан начнёт тянуть из казны деньги – на свои нужды, на ИРА... не суть. Имелись ещё и третьи... пятые...

Не то чтобы попаданца расстраивало невнимания неинтересных ему людей, но эмпатию никто не отменял. Да и сказывается такое отношение, пусть и по мелочам – воду остывшей купаться подадут, войдут без стука в комнату. Определённых границ, за переход которых можно схлопотать в морду или получить вызов на дуэль, не переходят, но бесящих мелочей хватает.

Попытки отделаться от баварского монарха никак не удавались, Его Величеству скучно. А тут вот – настоящий полковник, выходец из трущоб, политический деятель, социалист, драматург, писатель. И главное – страшно загадочное происхождение Фокадана! Судя по некоторым деталям, Людвиг именно этот момент воспринял с наибольшим интересом.

Склонный к мистике и романтизму, феодал старательно придумывал всё новые и новые версии, накручивая вовсе уж шизофренические. Одна его попытка определить – кем из Рыцарей Грааля<sup>102</sup> является попаданец, ввела Алекса в ступор. А местные ничего, привыкли, даже расчёты какие-то проводить начали, документы поднимать, легенды старинные.

Фокадан, не склонный к дурной эзотерике, страшно озлился. Кое-кто из недоброжелателей понял это и начал подбрасывать дровишек в костёр, разжигая мистические экзерсисы<sup>103</sup> короля.

В итоге попаданец начал запирается в комнатах, отговариваясь творчеством. А поскольку заняться в общем-то и нечем, то и в самом деле пришлось писать...

\* \* \*

– Друг мой, вы рождены творить! – Воскликнул Людвиг в ответ на просьбу принести хотя бы учебники по физике и математике, – я не позволю вам загубить свой талант, занимаясь презренным металлом! Пусть с этими железками возятся те, кто не способен на творчество.

Его Величество принял очередную позу Памятник для потомков и постоял немного, промокая глаза платочком.

– Пусть меня назовут тираном, но благодарность потомков мне дороже. Один ваш рассказ, – король потряс листами, – дороже переносной железной дороги в сотни раз!

\* \* \*

Так что никакой презренной литературы инженеров в пределах досягаемости попаданца не наблюдалось. Что остаётся делать? Только писать и строить планы, как выбраться из дурацкой ситуации.

---

<sup>102</sup> В Средневековье огромной популярностью пользовались легенды о чаше Грааля, дарующей тем, кто отпил из неё, всяческие блага. Бессмертие, некие мистические силы и так далее. Были и рыцари (как реальные, так и выдуманные, посвятившие жизнь поискам чаши или её охране.

<sup>103</sup> Упражнения.

Лёгкие юмористические рассказы вылетали из-под его пера один за другим. Поди ж ты, настроение самое злое, а юмористические рассказы, на которыми ухаживается вся Германия, идут поразительно легко. Может не зря говорят, что самые талантливые юмористы, сатирики и клоуны, в реальной жизни довольно-таки угрюмые люди?

До зимы Фокадан написал почти три десятка рассказов о Пеппи, сатирические зарисовки Наблюдение иностранца за немцами, где удачными гротеском<sup>104</sup> удалось подчеркнуть наиболее выпуклые черты немцев из разных земель, и наконец – короткую повесть о военных приключениях ирландца во время Гражданской Войны САСШ и КША.

Повесть ругали, хвалили, но признали-таки настоящей литературой, не в последнюю очередь из-за необычного взгляда с точки зрения рядового солдата. Новинкой жанра это не стало, но обычно точка зрения рядового солдата показывалась утрированно патриотичной и религиозной. Вдобавок, низы описывали представители верхов – с соответствующей правдоподобностью. Значительно реже встречался прямо противоположный подход, с избытком зоологических подробностей, где рядовой Ганс показывался таким скотом.

Больших литературных достоинств, по мнению самого попаданца, Маленький человек на Большой Войне не имел. Но опять выстрелила та самая инаковость, и пожалуй, сработало-таки более или менее раскрученное имя автора.

– Ёлки зелёные, – бормотал попаданец, расхаживая по кабинету, – вроде бы всё и неплохо складывается. Известность спасёт от многих неприятностей, но как же здесь тухло! И деньги...

За литературные труды попаданец выручил много меньше, чем за один только патент на железную дорогу. Потом выстрелили настольные игры, а нереализованных идей сколько!

Становиться профессиональным писателем и драматургом Алекс не видит никакой необходимости. В средствах он не нуждается, одно только поместье приносит больше дохода, чем тратит его владелец.

Если же учесть недавно купленные сельскохозяйственные угодья, участки под застройку и акции целого ряда промышленных предприятий Юга, вырисовывается очень недурственная картина.

Лично ему хватит на жизнь менее одной десятой этих денег. Ладно, есть Кэйтлин, потом может ещё женится, дети появятся. Ну так и участки будут дорожать.

Но деньги после определённой суммы, это уже не комфорт, а возможности. Купить особняк, яхту, или построить больницу.

Треть прибыли уходит на благотворительные нужды ИРА. Часть патентных отчислений уходит напрямую кельтам. То, что некогда было маской, стало чем-то естественным. Благотворительность, коей занимался только из-за политических амбиций и ради Лиры, стала привычной. В память о жене.

А ещё желание быть причастным к чему-то масштабному, оставить след в Истории. Нет, не на первых ролях – просто знать, что твоими трудами делается что-то настоящее.

Литература же и пьесы... вроде бы получается, ценят. Но вот создание КША, к коему он может быть причастен вовсе уж косвенно – вот это действительно достижение. А ещё ИРА, где ирландцы впервые за долгое время стали организованной силой.

– Политика, это моё, – вслух сказал попаданец с каким-то облегчением, приняв наконец спрятанную где-то в глубине естества правду, – надо же, никогда не думал. Когда видишь, как мир меняется из-за твоих действий, причём в нужном тебе направлении, это здорово. Не думаю, что какой-нибудь наркотик с этим сравнится. Что ещё? Изобретательство?

---

<sup>104</sup> Причудливое смешение в образе реального и фантастического, прекрасного и безобразного, трагического и комического – для более впечатляющего выражения творческого замысла.



Алекс задумался и признал, что пожалуй – да, нравится. Пусть во многом это отголоски комплекса попаданца, желающего непременно изобрести промежуточный патрон, командирскую башенку, перепеть Высоцкого и предупредить Сталина<sup>105</sup>.

Для самоуважения выходец из двадцать первого века просто-таки обязан получить качественное инженерное образование и внедрить какие-то привычные ему вещи. Просто потому что...

\* \* \*

– ... да, Ваше Величество.

– Просто Людвиг, сколько можно напоминать!?! – Капризно отозвался король, кривя губы, – в узком кругу, разумеется, мой друг.

– Хорошо, Ваше Величество Людвиг, – включил солдафона Фокадан. Монарх показательно закатил глаза под смешки присутствующих, но кроме театрально вздоха, ничем не ответил.

Алекс понемножку приспосабливался к жизни при дворе и причудам монарха. Придворные постепенно убедились, что отставного полковника тяготит такая дружба с чудаковатым монархом, и отношение к попаданцу стало значительно мягче.

Людвиг, при всём чудечестве, человеком оказался не самым плохим – до тех пор, пока окружающие подстраивались под его хотелки. Немного изучив короля, Алекс стал позволять себе подобные шуточки, и не он один, к слову.

Зная писанные и неписанные законы Двора, можно не только подшутить над монархом, но и нахамить ему. Если сделать это в нужное время в нужном месте, не переходя неких границ, то и репрессий не последует.

– Что ты написал за эти дни, друг мой? – Поинтересовался Людвиг, откладывая в сторону бокал и промокая губы.

– Проект, – односложно ответил попаданец и присутствующие напряглись, взгляды некоторых придворных, присутствовавших на обеде, стали откровенно нехорошими. Оно и понятно, с таких слов нередко начиналась очередное Дай денег представителей творческой интеллигенции.

– Сразу оговорюсь, – внешне невозмутимо продолжил Фокадан, – с меня только идея. С вас, Ваше Величество – толковый управленец и разумеется – все ваши способности к творчеству.

– Не томи! – Людвиг подскочил на стуле, как ребёнок, глаза его загорелись, – игра новая? Ну!

– Детский парк.

Видя недоумение присутствующих, Алекс вздохнул – опять что-то, очевидное для него, выходца из двадцать первого века, и совершенно непонятное для окружающих.

– Парк, созданный специально для детей.

– Ну так и сейчас... – недоумённо начал король.

– Не как сейчас, – перебил его Фокадан, – по другому! Парк, созданный специально для развлечения детей. Детский театр – с пьесами для детей, вроде моей Пеппи, и пьесами, в которых будут играть сами дети. Атракционы. Детские и спортивные площадки...

Коротко обрисовав суть идеи, попаданец сунул Людвигу заметки, дополненные схемами и рисунками, после чего смылся. Монарх, вместе с особо приближёнными деятелями культуры,

---

<sup>105</sup> Немного избитая шутка о действиях «настоящего» попаданца, придуманная из-за огромного количества «штампованных» произведений на СИ.

не заметили его ухода, столпившись вокруг заметок, споря вокруг каждого пункта и вырывая бумаги друг у друга из рук.

Чутьочку поодаль стояли придворные, заинтересовавшиеся идеей. Ну или просто решившие узнать из первых рук о новом увлечении монарха.

– Пусть делом занимается, – обронил в пустоту Фокадан, выскальзывая из столовой, – всё безопасней, чем когда Его Величество государством руководит.

Алекс знал, что его непременно услышат и доложат, не беда. Людвиг только посмеётся, он бравирует своим нежеланием вникать в дела государственные. Если уж во время войны с Пруссией король не занимался государственными делами!

Вельможи из числа сплетников придумают на основе фразы с десятков забавных анекдотов. Ну а государственные мужи оценят стремление занять монарха чем-то полезным и не слишком обременительным для казны.

По крайней мере, попаданец на это надеялся.

\* \* \*

Алекс начал раздеваться и потушил свет, оставив только масляную лампу. В дверь требовательно постучали...

– Иду, иду!

Накинув халат на голое тело, и вновь зажигая свечи, он поспешил открыть дверь.

– Друг мой! – В апартаменты влетел возбуждённый Людвиг с толпой приближённых, сразу стало тесно, – ты понимаешь, что ты сделал?!

– Это не я! – Нервно отшутился попаданец, среди придворных послышались смешки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.